ПИСЬМА

О

БЛАГОДАТИ СВ. ТАИНСТВЪ

ЦЕРКВИ ПРАВОСЛАВНО-КАѲОЛИЧЕСКОЙ.

Соч. А. Бухарева.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ БАХМЕТЕВА.
1864.

Дозволено Духовною цензурою. С.-П.-Б., Октября 30 дня 1863.

2007044361

Письмо первое.

Съ Божіимъ благословеніемъ, мой другъ, хочу приняться за исполненіе даннаго тебѣ моего обѣщанія поговорить съ тобою о *благодати святыхъ таинствъ* нашей православной церкви. *Молимъ*, говоритъ намъ Апостолъ Павелъ, *не вотще благодать Божію пріяти* (2 Кор. VI. 1). Видишь, что можно и *принять* благодать, сообщаемую намъ главнымъ образомъ въ таинствахъ, но принять *вотще*, напрасно. Надо пользоваться благодатію таинствъ, *возгрѣвать* ее въ себѣ, по апостольскому выраженію (2 Тим. 1, 6), или приводить ее въ себѣ въ живое движеніе и дѣйствіе; а для этаго надо нашей вѣрѣ знать, какіе именно дары благодати сообщаются намъ въ таинствахъ. Вотъ я и желаю разъяснить тебѣ, по возможности, благодать каждаго изъ семи святыхъ таинствъ, чтобы намъ сообща, взаимно помогая и содѣйствуя другъ другу, умѣть пользоваться въ наше спасеніе благодатію каждаго таинства, надъ нами ли самими или надъ другими совершеннаго и совершаемаго.

Ты видишь, мой другъ, что рѣчь у насъ будетъ не о *чинѣ* или образѣ совершенія каждаго таин-

ства, а о самой животворной силѣ таинствъ. Для нашей цѣли довольно и этаго. — Признаюсь тебѣ, что мнѣ хотѣлось бы говорить тебѣ сначала *вообще* о всѣхъ таинствахъ, а потомъ уже о каждомъ таинствѣ въ особенности, но меня упрекаютъ за способъ *обобщенія*, употребляемый мною въ развитіи мыслей. Такъ и быть! Поведемъ *дѣло* такъ, не отъ общаго будемъ нисходить къ частностямъ, но отъ разъясненія, въ частности, каждаго таинства, придемъ къ пониманію общаго ихъ значенія. — И такъ начнемъ рѣчь о благодати таинства *крещенія*.

Къ живому и вмѣстѣ глубокому пониманію этаго предмета слово Божіе даетъ намъ слѣдующее руководство чрезъ Апостола Павла: «Ужели вы не знаете, пишетъ Апостолъ римскимъ христіанамъ, что всѣ мы, крестившіеся въ Іисуса Христа, погружались въ смерть Его. И такъ мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, чтобы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, такъ и мы ходили въ обновленной жизни» (Римл. VI, 3. 4). И еще другимъ христіанамъ пишетъ тотъ же Апостолъ: «Бывъ погребены съ Нимъ (Христомъ) въ крещеніи, въ Немъ и съ Нимъ вы воздвигнуты вѣрою въ силу Бога, Который воскресилъ Его изъ мертвыхъ» (Колос. 11, 12). Мысль этихъ мѣстъ для тебя, другъ мой, не очень ясна, — не правда-ли? — Потому надо намъ хорошенько раскрыть эту апостольскую мысль, что въ крещеніи мы погружались въ смерть Господа Іисуса такъ, какъ будто (и дѣйствительно такъ въ самой силѣ дѣла) мы были съ Нимъ и по-

гребены. Видишь ли въ чемъ дѣло, мой другъ? Для нашего спасенія или, если угодно, для достиженія нами существеннаго нашего назначенія надо въ насъ вырвать съ корнемъ все духовно-безжизненное, противное истинѣ, добру, все мятежное и нестройное, въ чемъ нѣтъ отсвѣта благоволенія Отца Небеснаго; а вмѣсто этого надо насадить или открыть въ насъ начало всего добраго, истиннаго, жизненнаго, стройно-прекраснаго, на чемъ явно отпечатлѣна и успокоивается отеческая любовь Божія. И вотъ для этого самаго Тотъ, въ Комъ одномъ существенно почиваетъ и сіяетъ все благоволеніе и любовь Отца Небеснаго и въ Комъ, потому, самое существо и источникъ истины, добра, жизни, гармоніи и красоты, словомъ—единородный и единосущный Сынъ Божій сталъ Сыномъ человѣческимъ. Мало того: Онъ на себя же принялъ и вполнѣ вынесъ на себѣ безмѣрную тягость нашего духовнаго безобразія и безжизненности, нашего зла и лжи, нашего несоотвѣтствія и противленія любви Божіей, какъ будто именно Онъ былъ виноватъ во всемъ этомъ,—и именно поэтому Онъ пострадалъ и умеръ за насъ. Но, и за всѣмъ этимъ, надо насъ еще ввести въ дѣйствительное и живое соучастіе такой любви Божіей и Христовой къ намъ грѣшнымъ и погибающимъ (иначе, понимаешь самъ, все дѣло Христово для насъ было бы напрасно). Кому же это сдѣлать, Кому, если не Духу самой этой любви Божіей и Христовой, Духу Святому, въ силѣ Котораго и дѣйствуетъ Божественная любовь, Духу истины и жизни, Утѣшителю всеблагостному? Благо-

дать Св. Духа, въ таинствѣ крещенія, и совершаетъ то, что мы внутренно входимъ или, по апостольскому выраженію, «погружаемся» въ духъ и силу смерти за насъ Господней, именно въ эту безмѣрную любовь къ намъ Господа, по которой Онъ не только сталъ человѣкомъ ради насъ, но и умеръ за насъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы, въ крещеніи, умираемъ и погребаемся съ Господомъ, за насъ умершимъ и погребеннымъ, такъ что изъ купели крещенія выходимъ, какъ прошедшіе дверью смерти Господа нашего, въ Его воскресеніе, или какъ воскресеніе съ Нимъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ.

И вотъ такимъ образомъ мы, *елицы во Христа крестистесь, чрезъ это уже во Христа облеклись* (Галат. III, 2. 7)! Мы облеклись или одѣлись въ Него именно такъ, что Его жизнь и смерть стали нами: для грѣха, для лжи, для всего худаго и проклятаго, что̀ принялъ Господь на Себя въ своей смерти, для требованій и взысковъ самаго закона или долга нашего предъ Богомъ и людьми, совершенно и окончательно выполненныхъ за насъ Господомъ въ Его смерти, мы съ Нимъ умерли въ крещеніи, чтобы жить уже только съ Нимъ, жить Его жизнію по душѣ и тѣлу, не имѣя уже никакого другаго начала и правила жизни (Рим. VII, 4). А такъ какъ Онъ есть возлюбленный Сынъ Божій, то, облекшись или душею и тѣломъ одѣвшись въ Него, и мы сдѣлались въ Немъ любимыми дѣтьми Отца Небеснаго, безъ всякаго различія въ этомъ отношеніи со стороны нашихъ происхожденій (или

народностей), званій и половъ (см. Талс. ст. 26 и 28). Такъ-то, мой другъ, «вѣрующій, при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду съ призываніемъ Бога Отца и Сына и Святаго Духа, умираетъ для жизни плотской, грѣховной и возраждается отъ Духа Святаго въ жизнь духовную, святую»—(какъ говоритъ православ. Катихизисъ въ опредѣленіи таинства крещенія). Дѣйствующая Св. Духомъ, сила любви къ намъ Господа Іисуса, на смерть *преданнаго за грѣхи наши и возставшаго за оправданіе наше* (Рим. IV, 25),—сила этой безпредѣльной любви, въ которую внутренно и вошли мы въ крещеніи, есть въ насъ живой неизсякаемый ключъ (источникъ), бьющій всѣмъ прекраснымъ, высокимъ, святымъ, истиннымъ, потребляющимъ и отражающимъ отъ насъ все лживое и грѣховное по душѣ и по тѣлу. Да, мой другъ! По силѣ этого мы въ крещеніи сдѣлались живыми, одушевляемыми и движимыми Христомъ, членами Его (Кор. XII, 12. 13), что и самые члены нашего тѣла слово Божіе представляетъ членами Христовыми (VI, 15).

Такова благодать таинства крещенія. Но, другъ мой, только живая, истинная вѣра можетъ и должна приводить въ движеніе и дѣйствіе такую чудную и животворную благодать крещенія, потребительную для грѣха и источную для всякаго въ насъ истиннаго живаго добра. На сколько наша вѣра будетъ падать или забывать самое существо благодати этого таинства, состоящее въ нашемъ «погруженіи въ смерть Христову», — погруженіи въ ту именно любовь къ намъ Господа, по которой онъ

умеръ за грѣшныхъ и погибающихъ, содѣлавшись за нихъ какъ бы олицетвореніемъ проклятія и грѣха (2 Кор. V, 21 Гал. III, 13); на столько неминуемо будетъ оставаться въ насъ безъ движенія и дѣйствія благодать крещенія, какъ зарытое въ полѣ сокровище. А на сколько нами будетъ, такъ сказать, усыпляться въ бездѣйствіи эта потребительная для зла и источная для добра, благодать, на столько естественно будетъ въ насъ ослабѣвать и оскудѣвать благодатное добро, а зло, грѣхъ, все худое оживать и развиваться. Ты это, конечно, понимаешь, мой другъ. Пойми и то, отъ чего такъ много изъ насъ христіанъ сдѣлались христіанами почти только по одному имени,—одни совсѣмъ мыслятъ и живутъ не по Христу, а другіе не хотятъ входить въ духѣ Христова человѣколюбія, по которому Онъ сошелъ съ неба въ нашу мірскую и земную среду и умеръ здѣсь собственно за погибающихъ и заблуждающихъ. Несчастные, они забыли или презрѣли самую благодать крещенія, ими принятую,—забыли совершенное въ крещеніи *погруженіе ихъ въ смерть Христову*, духъ и сила которой и есть это человѣколюбіе Господа, низведшее Его въ нашъ грѣшный погибающій міръ и здѣсь дошедшее Его до позорной крестной смерти, низведшее Его (о чемъ впрочемъ главная рѣчь наша будетъ еще послѣ въ своемъ мѣстѣ) даже до ада къ находящимся въ темномъ его плѣну духамъ, не исключая и тѣхъ страшныхъ нечестивцевъ, которые «противились нѣкогда Божію долготерпѣнію во дни Ноевы» (см. 1 Петр. III, 19—21). Отъ чего

могло произойти такое несчастое забвеніе самаго существа благодати? Какъ это она сама не напомнила имъ о себѣ? Видно, вѣра сначала воспріемниковъ и родителей, а потомъ и самихъ этихъ христіанъ не заботилась приводить у нихъ въ движеніе и дѣйствіе благодати крещенія, въ существенномъ ея духѣ и направленіи. Поэтому-то мы и должны своею общею вѣрою возгрѣвать другъ въ другѣ и каждый въ себѣ благодать крещенія, держась и исполняясь духа и силы той любви къ намъ Господа, по которой Онъ умеръ за грѣховныя вины наши и всего міра, какъ будто Онъ былъ виноватъ этими винами. Помни, мой другъ, что мы, по благодати нашего крещенія, уже вошли или введены во внутреннее глубочайшее соучастіе этой любви Христа Бога нашего, явленной въ Его смерти: мы въ крещеніи «погружались въ смерть Его», какъ удостовѣряетъ насъ слово Божіе.

Письмо второе.

Сущность дѣла относительно благодати таинства крещенія, по возможности, высказалъ я тебѣ, мой другъ, въ предъидущемъ письмѣ. Но и теперь думаю остановиться на томъ же предметѣ; я желаю

и долженъ хорошенько выяснить тебѣ необходимость для насъ входить въ духъ и настроеніе человѣколюбія Христова, явленнаго въ Его смерти за грѣшный міръ, если хотимъ *не вотще пріяти* и удерживать *Божію благодать* крещенія. Для этого я хочу теперь, вмѣстѣ съ тобою, прослѣдить бесѣду Самаго Спасителя о благодати крещенія, законоположеннаго Имъ Самимъ для своей церкви; это — бесѣда Его съ Никодимомъ (см. въ Еванг. Іоан. III гл.). Вѣдь хорошо послушать, какъ Самъ Господь говоритъ о своемъ таинствѣ крещенія.

Никодимъ былъ начальникъ и учитель іудейскій (ст. 1. 10). По своимъ воззрѣніямъ онъ не былъ выше своего времени и іудейства: онъ, какъ Фарисей, останавливался на буквѣ истины Божіей, не входя разумною вѣрою въ самый духъ и силу таинъ Божіихъ (ст. 4. 10—12). По крайней мѣрѣ онъ не закрывалъ глазъ отъ явныхъ знаменій истины (2 ст.), и съ духовнымъ любознаніемъ, хотя и съ плотскими, сродными чуть не матеріализму, понятіями, разыскивалъ, какъ можно тому или другому статься (ст. 4. 9). Съ осторожностію житейскаго, а можетъ быть, и духовнаго благоразумія, онъ пришелъ къ Господу *ночью* — побесѣдовать о свѣтѣ истины; и сейчасъ же отнесся къ Нему, какъ къ Божественному учителю, судя по Его чудесамъ. «Мы знаемъ, такъ говорилъ онъ съ Господомъ, что Ты учитель, пришедшій отъ Бога; ибо такихъ чудесъ, какія ты творишь, никто не можетъ творить, если не будетъ Богъ съ нимъ.»

И Господь съ своей стороны тотчасъ-же далъ

знать Никодиму, что научиться отъ Него—Господа тайнамъ Божія царства, имъ открываемаго, можно не иначе, какъ человѣку со всѣмъ переродившемуся по Божіей благодати, получившему новую жизнь свыше, и съ нею новыя благодатныя воззрѣнія. «Истинно, истинно говорю тебѣ, такъ сказалъ Господь на привѣтливую рѣчь Никодима,—если кто неродится снова, то не можетъ увидѣть царствія Божія».

И мы съ тобою, милый другъ, тоже сейчасъ примѣтимъ изъ словъ Самаго Господа, что только такой человѣкъ, кто принялъ благодать возрожденія и, разумѣется, принялъ *не вотще*, кто, слѣдовательно, принятую благодать приводитъ своею вѣрою въ живое движеніе и дѣйствіе (*), входя болѣе и болѣе въ духъ и расположеніе Господней любви къ гибнущимъ людямъ, доведшей Его до смерти за нихъ, только такой можетъ по надлежащему разумѣть и сознательно усвоять себѣ силу Христовой благодати и истины, *видѣть царствіе Божіе*. Вѣдь тайну возрожденія составляетъ «погруженіе въ смерть Христову»—въ эту бездну самопожертвованія Божественнаго человѣколюбца, за павшій въ бездну зла міръ. Не входя въ духъ такого Христова человѣколюбія, кто бы то ни былъ «не можетъ увидѣть царствія Божія», открытаго Господомъ, не пойметъ и не приметъ силы, таинъ и благъ этого царства.

(*) Въ младенцахъ благодать возрожденія должны приводить въ живое движеніе, по намѣренію церкви, именно воспріемники.

Фарисей Никодимъ, остановясь на внѣшности или буквѣ слышаннаго, какъ бы въ прямое доказательство словъ Христовыхъ, дѣйствительно, не понялъ ничего изъ открываемой ему тайны царствія Божія. «Какъ можетъ человѣкъ родиться, будучу старъ?— такое недоумѣніе выражалъ онъ Господу.—Неужели онъ можетъ вторично войти въ утробу матери и родиться?» Примѣть и здѣсь, мой другъ, какъ духовно-церковный буквалистъ не высокъ надъ духомъ, и воззрѣніями грубаго матеріалиста, при всемъ различіи стремленій и цѣлей того и другаго, по навыку ипреданью онъ не прочь отъ вѣры въ Божественное, но въ разумѣніи живой силы истины Божіей путается на самыхъ грубыхъ представленіяхъ. Господь въ отвѣтъ Никодиму, съ яснымъ указаніемъ на крещеніе въ водѣ, которымъ мы возраждаемся,—снова рѣшительно подтвердилъ, что безъ благодати этого духовнаго рожденія нельзя войти въ Божіе царство. При этомъ онъ объяснилъ, что иначе и быть не можетъ: плотское рожденіе, на которомъ остановилась мысль Никодима, не можетъ поставить человѣка выше уровня плотскаго; отъ чего этотъ плотскій человѣкъ естественно и бываетъ не въ состояніи видѣть и достигать чего либо высшаго надъ плотскою низменностію (*); только благодатное рожденіе отъ Св. Духа сообщаетъ человѣку жизнь и характеръ истинной духовности, съ

(*) Подъ *плотскимъ* разумѣется здѣсь не тѣлесная только сторона человѣческая, но обѣ стороны тѣлесная и душевная, неоживленныя и неодушевленныя Духомъ Божіимъ.

которою ему уже просто входить разумѣніемъ и сердцемъ въ эту духовную область—царство Божіе. Вотъ слова Спасителя къ Никодиму, выражающія сказанное: «истинно, говорю тебѣ если кто не родится отъ воды и Духа, то не можетъ войти въ царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти если плоть, а рожденное отъ Духа есть Духъ.» Замѣть и здѣсь, другъ мой, что не входя разумѣніемъ и сердцемъ въ духъ смерти Христовой, въ которую *погружались* мы для нашего возрожденія въ крещеніи, духъ которой и есть любовь къ намъ Агнца Божія, вземлющаго наши и всемірные грѣхи,—не входя въ духъ и настроеніе этой Его любви и чрезъ это оставляя безъ живаго *движенія и дѣйствія* въ насъ благодати возрожденія, мы упадали-бы съ высоты истинной духовности въ низменность плоти, въ которой *не имать пребывати Духъ Божій* (Быт. VI 3). На сколько мы пренебрегали бы или отказывались бы входить въ животворную, возродившую насъ, силу смерти Христовой, состоящую именно въ безконечномъ человѣколюбіи Агнца Божія, не терпящаго заблужденія грѣховнаго, но на себѣ-же понесшаго отвѣтственность за всѣ грѣховныя заблужденія міра; на столько и рожденіе отъ Духа переставало бы дѣйствовать въ насъ,—на столько дѣйствовало бы въ насъ только рожденіе отъ плоти, по которому мы не отличаемся отъ всѣхъ прочихъ чадъ Адама и Евы отъ всѣхъ некрещеныхъ. Много грустнаго при этомъ приходитъ на мысль относительно нашего Христіанства и духовности, относительно нашей косности и тупости въ разумѣ-

ніи и усвоеніи самой силы Христовой, истины и благодати. За то открываются другіе самые отрадные виды, если дадимъ духу Агнца Божія одушевлять и подвигнуть насъ, тогда и сухія, мертвыя кости оживутъ *въ соборъ многъ зѣло*, какъ видѣлъ это пророкъ Іезекіиль.

Господь далѣе объяснялъ Никодиму, и нѣтъ ничего страннаго, несбыточнаго въ мысли о рожденіи отъ Духа. Это рожденіе, конечно, должно совершиться не иначе, какъ таинственно; но таинственны-же для насъ и самыя простыя вещи и явленія въ природѣ. Знаемъ ли, откуда приходитъ и куда уходитъ дыханіе простаго воздуха, хотя и слышимъ или опытно ощущаемъ его движеніе? Такъ и Духъ Св. даетъ опытно ощущать свое наитіе или движеніе тому, кто отъ Него рождается, или уже рожденъ, хотя послѣдній и не можетъ дать отчета, откуда и куда идутъ эти благодатныя движенія. «Не дивися, говорилъ Господь своему собесѣднику, что я сказалъ тебѣ: должно вамъ родиться снова. Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ, и гласъ его слышишь, а незнаешь откуда происходитъ и куда уходитъ: такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ Духа». —Пойми, мой другъ, что тайны благодати, къ какимъ принадлежитъ и тайна нашего крещенія, суть такія же строгія истины, какъ и предметы природы, тоже таинственные въ своей сущности. Но послѣдніе, скажешь, доступны опыту? Доступны опыту нашего духа и первыя. Такъ самыя опытныя естественныя знанія, которымъ нынѣ болѣе всего до-

вѣряютъ, обличаютъ ложь невѣрія Христовымъ тайнамъ, доступнымъ тоже опытному дознанію.

Когда Никодимъ и на объясненныя слова Спасителя отозвался только недоразумѣніемъ, *како могутъ сія быти*, то Господь сдѣлалъ уже замѣчаніе ему, во первыхъ, на счётъ тупости его разумѣнія, не приличной Іудейскому учителю (ст. 10), далѣе, на счётъ неправоты и безосновательности Никодимова недовѣрія свидѣтельству Очевидца (вѣдь Господь своими чудесами явно для Никодима показывалъ, что Онъ отъ Бога и учитъ тому, что̀ видитъ и слышитъ у Бога) (ст. 11), наконецъ на счётъ невѣрія Никодимова тому, что, въ тайнѣ возрожденія отъ Св. Духа, можетъ быть испытано еще на землѣ и что̀ соотвѣтствуетъ порядку самой земной природы (ст. 12). Все это падаетъ, какъ видишь самъ, прямымъ укоромъ и на нынѣшнихъ недовѣровъ, особенно изъ людей науки.

Письмо третье.

Любвеобильный Господь упрекнулъ Никодима не съ тѣмъ, чтобы оставить его безъ дальнѣйшаго, высшаго вразумлѣнія, а только для того, что, смиривъ или смягчивъ жесткую Фарисейскую его мысль, сдѣлать его способнѣе—услышать это высшее нас-

тавленіе касательно того, *какъ*, на какомъ основаніи, *могутъ сія быти*, о чемъ выше говорено. И вотъ замѣтивъ съ упрекомъ фарисею Никодиму, что онъ (онъ какъ и вообще люди этого рода) въ открываемой ему тайнѣ возрожденія не вѣрптъ даже сторонѣ доступной для духовнаго на землѣ опыта, согласной и съ земнымъ порядкомъ вещей, и потому тѣмъ болѣе можетъ закрывать глаза для высшей, прямо небесной стороны этой тайны (см. 12 ст.), Господь сейчасъ-же сталъ разъяснять эту высшую, небесную сторону тайны новой жизни, состоящую именно въ Его смерти за грѣшный и погибающій міръ. Упрекая Никодима за Фарисейскій образъ мыслей, Благій Учитель однако удовлетворяетъ живой любви его къ истинѣ, по которой онъ пришелъ къ Нему ночью. Въ дальнѣйшей рѣчи своей Онъ даетъ разумѣть намъ, что, если и земная, доступная для опыта на землѣ и соотвѣтственная самому земному порядку, сторона тайны возрожденія имѣетъ достаточные для удостовѣренія въ ней признаки, то тѣмъ болѣе тверда и непреложна, какъ сама истина, небесная основная сторона тайны (*). Вотъ эти дальнѣйшія слова Господа, вы-

---

(*) Въ настоящей бесѣдѣ взятъ Самимъ Господомъ вопросъ о рожденіи свыше; къ тому же предмету относились недоумѣнія Никодима. *Земная рекоха*: это относится къ той-же тайнѣ возрожденія, о которой была рѣчь; *реку вама небесная*: и это, по связи рѣчи, должно относиться къ тому же предмету, только съ другой глубочайшей его стороны. Выраженіе: *имѣть жизнь вѣчную*, не разъ сказанное, очевидно, близко и сродно съ выраженія-

ражающія, какъ увидишь, тѣ самыя мысли, какія развиты у насъ въ первомъ письмѣ, въ разъясненіи тайны *погруженія въ смерть* Господню: «Никто не восходилъ на небо, какъ только сшедшій съ неба,—такъ началъ Господь о совершенно небесной сторонѣ предмета,—Сынъ человѣческій, сущій на небеси». Господь, и сойдя съ неба чрезъ свое воплощеніе, оставался тѣмъ не менѣе «сущимъ на небеси» именно, какъ Единородный Сынъ Бога, говорящій и дѣлающій и во плоти на землѣ только то, что слышитъ и видитъ прямо у своего Небеснаго Отца, любящаго Его всею полнотою Своей любви (см. Іоан. V, 19. 20. 30). Поэтому пойми, другъ мой, что *небесная* область, по воззрѣнію Самого нашего Спасителя, въ существѣ своемъ есть именно внутренняя область любви Отца небеснаго, почивающей въ единосущномъ Его Сынѣ *и въ Немъ же самомъ*, содѣлавшемся Сыномъ человѣческимъ, раскрытой и для насъ человѣковъ. Смотри во Христѣ къ Отцу Его Небесному, столько возлюбившему насъ, и притомъ держись Христова снисхожденія съ неба на нашу землю, совершившагося въ его воплощеніи: небесное жительство будетъ и у тебя. А иначе и не мечтай напрасно о небесномъ: «никто не восходилъ на небо, какъ только *сшедшій съ неба, Сынъ человѣческій, сущій* на небеси»,—только въ Немъ, въ Его духѣ,

---

ми въ предъидущей рѣчи: быть *рожденнымъ отъ Духа, родиться свыше* и под. Видно, что рѣчь и далѣе идетъ на тотъ же главный предметъ.

въ духѣ Его человѣколюбиваго снисхожденія къ намъ, можно быть причастнымъ небесной жизни. Но мы грѣшны, погрязаемъ во всевозм жныхъ забужденіяхъ, уязвлены на смерть въ самомъ корнѣ нашего рода—Адамѣ человѣкоубійственнымъ зміемъ-діаволомъ?—это такъ, но послушай, что̀ далѣе говоритъ Спаситель.

«И какъ Моисей вознесъ змію въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому, чтобы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Онъ Сына Своего Единороднаго, чтобы всякъ вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.»—Въ пустынѣ Аравійской, гдѣ кочевали Евреи по изшествіи изъ Египта, уязвляли ихъ въ одномъ мѣстѣ змѣи и много Евреевъ умирало отъ этаго въ мукахъ. Богъ велѣлъ сдѣлать Моисею мѣднаго змѣя и поднять его, конечно, на шестѣ такъ, чтобы могли видѣть его всѣ; тѣ, кого ужалитъ змѣя, должны были поскорѣе глядѣть на мѣднаго змія, и которые успѣвали это сдѣлать, выздоравливали тотчасъ же. Исцѣленіе отъ змѣинаго ужаленія, совершаемое чрезъ зміиный же видъ, это было поразительнымъ знаменіемъ особенно для вѣка Моисеева, въ который люди еще такъ живо ощущали въ видимомъ Божественное. Значеніе этаго знаменія теперь разрѣшились. Вотъ и для исцѣленія нашего отъ грѣховнаго уязвленія и осужденія надлежало Самому Господу «вознесену быть» на крестѣ, какъ бы грѣху олицетворенному или проклятію живому. И кто полною и живою вѣрою воззритъ къ такому

Божественному исцѣлителю отъ грѣха, кто вѣрою своею или своихъ воспріемниковъ дастъ благодати Божіей погрузить себя чрезъ крещеніе въ эту бездну человѣколюбія Господня, открытую въ Его смерти, тотъ изъ погибельнаго состоянія и родится *въ жизнь* новую, Божію, *вѣчную*. Эту вѣчную жизнь и удержитъ Онъ на вѣки, разумѣется—если живою и дѣятельною вѣрою будетъ удерживать и приводить въ живое движеніе благодать возрожденія, благодать внутренняго своего участія въ томъ же человѣколюбіи Господнемъ, составляющемъ духъ и силу Его смерти. Само собою разумѣется, что это должно совершаться чрезъ общеніе и въ другихъ таинствахъ. Такова любовь Самого Отца Небеснаго къ грѣшному міру, къ намъ заблуждающимъ и погибающимъ! Вѣдь Онъ намъ далъ Самого Единороднаго Своего Сына, въ Которомъ вся Его любовь, вся полнота Божества,—далъ такъ, что Сынъ Его Единородный сдѣлался Сыномъ человѣческимъ, Единосущнымъ съ нами (*), и еще на Себѣ Самомъ долженъ былъ вынести безмѣрную тягость погибельнаго состоянія міра.

«Ибо не для того Богъ, продолжалъ Спаситель, послалъ въ міръ Сына Своего, чтобы Онъ судилъ міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него.»—Да, другъ мой, если судить грѣшный, погибающій міръ, то погибель его рѣшена. Но не для этаго по-

---

(*) Въ церковныхъ пѣсняхъ прямо выражается эта мысль, что Господь Іисусъ, Единосущный Богу Отцу по Своему Божеству, содѣлался Единосущнымъ и съ нами по человѣчеству.

слалъ Отецъ Небесный Своего Сына въ міръ, какъ Агнца вземлющаго грѣхи міра. Ясно, что любовь Божія хочетъ спасти отъ грѣховной пагубы всякаго человѣка, всякую среду міра. Само собою разумѣется, что отъ насъ самихъ зависитъ или держаться живою, дѣятельною вѣрою этаго направленія любви Божіей и тѣмъ спасаться, или взять направленіе, противное Божіей къ намъ любви, и чрезъ это неизбѣжно погибать. Объ этомъ спорить уже нечего.

Бесѣду свою съ Никодимомъ Спаситель заключилъ — разъясненіемъ того, что истинно любящій свѣтъ истины и добра непремѣнно придетъ къ Нему своею вѣрою, и не вѣруютъ Ему только такіе, которые «болѣе возлюбили тьму, нежели свѣтъ» (ст. 18—21).

Такъ-то, мой другъ, въ благодати крещенія имѣй въ виду не только таинственную *воду*, въ которую погружается крещаемый, но и *кровь* Господа, пролитую Имъ въ крестной Его смерти, въ духъ которой также погружается крещаемый, и *Духа* благодати, въ силѣ котораго, какъ безграничное море, разливается въ крещеніи человѣколюбіе Божіе. Удерживай и возбуждай въ себѣ, проводи во всю твою жизнь *духъ* человѣколюбія Божія и Христова, запечатлѣннаго *кровію* умершаго за насъ Господа и таинственно дѣйствующаго, въ силѣ Духа Св., *въ водѣ* крещенія, и тогда одушевляй всѣ движенія твоего духа, и благодать крещенія окажется истинно не вотще принятою тобою. «Сей есть Іисусъ Христосъ, скажу съ Св. Іоанномъ Богословомъ, не-

редавшимъ намъ въ Своемъ Евангеліи бесѣду Христову съ Никодимомъ,—это эсть Іисусъ Христосъ, открывшійся водою и кровію и духомъ; не водою только, но водою и кровію, и духъ свидѣтельствуетъ, потому что духъ есть истина» (Іоан. V, 6). Какъ Онъ лично открылся міру, принявъ на ряду съ грѣшниками крещеніе покаянія въ *водѣ* и, дѣйствительно, въ отвѣтственности за грѣшниковъ проливъ *кровь* свою, засвидѣтельствовавъ потомъ такое свое человѣколюбіе благодатію *Духа*: такъ и въ насъ Онъ открылся во крещеніи не только *водою*, но и силою крови, за насъ Имъ пролитой въ Его крестной смерти, открылся именно въ *духѣ*, этаго Своего человѣколюбиваго самопожертвованія. Въ благодати крещенія не раздѣлимы между собою и таинственная *вода*, и *кровь* смерти Христовой, и *духъ* человѣколюбія Божія и Христова, дѣйствующій силою Духа Святаго. Нераздѣлимость этихъ трехъ проявителей, на нашей землѣ, Христовой благодати Св. Іоаннъ Богословъ утверждаетъ нераздѣлимостію Самой Пресвятой Троицы (см. тамъ же ст. 7 и 8). Не имѣть въ виду, не возгрѣвать въ себѣ *духа* человѣколюбія Христова значитъ, дѣйствительно, пренебрегать *водою* крещенія и *кровью* той самой смерти Христовой, въ которую погружается въ крещеніи.

Письмо четвертое.

Помнишь, мой другъ, когда-то ты спрашивалъ меня: «зачѣмъ, послѣ рожденія Христіанина Св. Духомъ въ жизнь святую—въ крещеніи, совершается надъ нимъ новое таинство, чрезъ которое сообщается ему Св. Духъ? Вѣдь ужъ не лишенъ Его крещенный, по самому возрожденію своему?» Я, помнится, отвѣчалъ тебѣ, что въ крещеніи сообщается намъ благодатная жизнь, и во слѣдующемъ затѣмъ таинствѣ, именно въ мvропомазаніи, сообщаются намъ нужныя для этой жизни силы Св. Духа, оживляющія и освѣщающія нашъ умъ и сердце, внѣшнія чувства, наши всѣ дѣла и поведеніе.— Ты мнѣ не возражалъ болѣе; тѣмъ не менѣе чувствовалось мнѣ, что ты остался не совсѣмъ удовлетвореннымъ моимъ отвѣтомъ, выражающимъ вѣрную, но, дѣйствительно, слишкомъ общую мысль. Ты, можетъ быть, подумалъ тогда, а только не сказалъ мнѣ: вѣдь здравая жизнь безъ силъ, ей соотвѣтственныхъ, не мыслима или не возможна. Какъ бы то ни было, очевидна нужда для насъ глубже вникнуть въ благодать таинства мvропомазанія, чтобы ясно сознавать особенную силу и необходимость этаго таинства, и по полученіи благодати возрожденія въ новую, святую жизнь—въ крещеніи.

Давай же, мой другъ, думать объ этомъ оба вмѣстѣ, руководясь словомъ Божіимъ.

Нужное для этого руководство Божія слова я нахожу въ слѣдующемъ мѣстѣ Евангелія Св. Іоанна Богослова. Описывая случай, когда Господь торжественно приглашалъ «жаждущихъ идти къ Нему и пить,» съ удостовѣреніемъ при этомъ, что у вѣрующаго въ Него — и у самаго «изъ чрева потекутъ рѣки воды живыя,»—Евангелистъ именно о послѣднихъ словахъ Христовыхъ замѣчаетъ какъ вѣрно (*) вѣдающій Христову мысль: «это сказалъ Онъ о Духѣ, Котораго имѣли принимать вѣрующіе въ Него; ибо еще не было (на нихъ) Духа Святаго, потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ» (Іоан. VII, 37—39).—Примѣть здѣсь вотъ что, мой другъ: тогда какъ крещеніе, въ словѣ Божіемъ, по своей силѣ связуется со смертію и погребеніемъ Господа, разрѣшившимся Его воскресеніемъ, принятіе вѣрующими Св. Духа (а оно совершается именно чрезъ

(*) Ты, конечно, подивишься тому (замѣчу кстати здѣсь), что одинъ новѣйшій церковный историкъ (Неандеръ изъ крещеныхъ Евреевъ), человѣкъ вѣрующій и благомыслящій, недовѣрчивъ, однако, какъ неправославный, относится къ подобнымъ замѣчаніямъ Евангелиста. Странная недовѣрчивость въ Христіанинѣ, знающемъ слова Христовы къ Апостоламъ: „когда же придетъ Утѣшитель, котораго пошлю я вамъ отъ Отца, Духъ истины, который отъ Отца исходитъ: то Онъ засвидѣтельствуетъ обо мнѣ, А также и вы будете свидѣтельствовать, потому что вы сначала со Мною“ (Іоан. XV, 26. 27). Апостолъ Іоаннъ Богословъ вполнѣ достовѣрный свидѣтель мысли Христовой и по внушенію отъ Духа истины и по изначальной особенной близости своей къ Спасителю. Примѣч. автора письма.

таинство мvропомазанія) соединяется словомъ Божіимъ не со смертію, а съ *прославленіемъ* Господа Іисуса, послѣдовавшимъ за смертію, раскрывшимся окончательно въ превознесеніи Его и по самому Его человѣству до престола Его Божества. По словамъ возлюбленнаго ученика и наперстника Христова, органа слова Божія, принять Св. Духа вѣрующіе могутъ не иначе, какъ уже вслѣдствіе прославленія Христова; тогда какъ въ крещеніи, по словамъ Апостола языковъ, раскрывается сила Христовой смерти и погребенія. Ясно, что таинство, въ которомъ совершается первое, имѣетъ въ самомъ основаніи своемъ особенную силу отъ таинства крещенія. — Вникнемъ, мой другъ, въ это.

Прежде всего выяснимъ себѣ хорошенько самое прославленіе Христово, служащее основаніемъ сообщенія намъ Св. Духа въ таинствѣ мvропомазанія.

Прославленіе Господа Іисуса, съ Которымъ связано принятіе вѣрующими Св. Духа, въ отношеніи къ Богочеловѣческой Христовой душѣ началось съ *сошествіемъ Христовымъ во адъ*. Слово Божіе свидѣтельствуетъ чрезъ Апостола Петра, что когда Господь былъ «умерщвленъ по плоти Праведникъ за неправедныхъ,» то «ожилъ духомъ, которымъ Онъ и сошелъ и проповѣдалъ въ темницѣ (очевидно адской) духамъ (Петр. III, 18. 19). Это Христово сошествіе въ адскую (*) темницу относится къ Его прославленію потому, что Онъ сошелъ сю-

---

(*) Адъ и значитъ мѣсто темное.

да съ силою и славою побѣдителя надъ грѣхомъ и смертію, значитъ и надъ этою преисподнею страною проклятія и смерти-адомъ. Сказать тоже другими словами, глубже раскрывающими эту великую истину: Господь сошелъ во адъ съ любовію къ человѣчеству, уже побѣдоносную надъ отяготѣвшимъ на людяхъ зломъ грѣха, проклятія и смерти, какъ уже вполнѣ вынесшій на Себѣ эту страшную всемірную тягость, и раскрылъ такую силу и славу Своего человѣколюбія для всѣхъ изъ человѣческаго рода, сдѣлавшихся узниками ада, не исключая и допотопныхъ исполиновъ нечестія (см. тамж. ст. 20. Быт. VI, 3—5),—только бы они сами не отвергли, а приняли эту торжествующую надъ всѣми узами зла благодать совершившаго искупленія. За тѣмъ, прославленіе Господа торжественно открылося надъ всѣмъ человѣческимъ Его естествомъ—надъ душею и вмѣстѣ тѣломъ въ *Его воскресеніи*, чрезъ которое Онъ, какъ свидѣтельствуетъ слово Божіе «по духу Святыни во всей силѣ открылся Сыномъ Божіимъ»—и въ воспріятомъ Имъ ради насъ человѣчествѣ (Рим. 1, 4). Это значитъ, что, когда Господь въ своемъ Богочеловѣчествѣ вынесъ чрезъ страданіе и смерть Свою бремя зла, губящаго насъ человѣковъ, тогда въ Его воскресеніи жизнь Его Божества, жизнь, принадлежащая Ему, какъ Единородному Сыну Божію, дѣйствіемъ Св. Духа воссіяла во всемъ Его человѣческомъ естествѣ; а такъ какъ послѣднее принято Имъ ради всего рода человѣческаго и потому представляетъ собою предъ Отцемъ Небеснымъ всѣхъ насъ человѣковъ, то

жизнь воскресшаго Христа, возлюбленнаго Сына Божія, возсіяла для животворнаго просвѣщенія всѣхъ насъ человѣковъ, въ какой бы глубинѣ смертоноснаго зла ни были тѣ или другіе изъ насъ,—только бы мы сами не отвергали, а вѣрою принимали такую щедрость благодати, открывшей чрезъ воскресеніе Христово жизнь въ самой области смерти, для спасенія всего погибающаго человѣка. Наконецъ прославленіе Христово рѣшительно совершилось въ *вознесеніи Господа на небо и сѣденіи Его одесную Отца.* Сила этого, такъ сказать, акта прославленія Христова есть именно всевысочайшая, и для насъ всерадостная. Смотри съ благоговѣніемъ и радостію, мой другъ, что здѣсь совершилось. Человѣчествомъ Своимъ Господь восшелъ къ престолу Своего Божества, славы, власти и силы, не раздѣлимой у Сына Божія со Отцемъ и Святымъ Духомъ,—вошелъ въ открытую и для Его человѣчества во всей силѣ любовь Своего Отца, содержащую всѣ сокровища благъ Св. Духа, по Божеству отъ вѣчности почивающую въ Немъ—Единосущномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ. А такъ какъ Господь воспріялъ человѣчество въ единство своего лица ради насъ, то Онъ возшелъ и возсѣлъ этимъ человѣчествомъ на престолъ Божества именно ради насъ человѣковъ, *да явится лицу Божію за насъ* (Евр. IX, 24), *всегда живъ сый во еже ходатайствовати за насъ* (VII, 25) собственно Своимъ Богочеловѣческимъ лицемъ, ходатайствовать своимъ «Я» за грѣшное «я» каждаго изъ насъ, представляя въ умилостивленіе къ намъ Отца свои крестныя

язвы, на вѣки свидѣтельствующія, что за грѣшныхъ Онъ на крестѣ былъ какъ грѣхъ, за погибающихъ, какъ проклятіе. Мало того; такъ какъ Христово человѣчество, воспріятое за насъ, и представляетъ насъ предъ Отцемъ Небеснымъ, то,—только бы мы не отвергали, а смиренно усвояли себѣ такую безмѣрную благодать, или по выраженію Апостольскому, «преизобильное богатство благодати,» долженствующее раскрываться во всѣхъ и вѣкахъ и вѣчности (Ефес. 11, 8),—Отецъ Небесный и насъ «посадилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ,» возшедшемъ на небеса и сѣдящемъ одесную Отца (тамж. ст. 6), разумѣется не иначе, какъ возводя насъ въ соучастіе ходатайственнаго за насъ человѣколюбія Христова. Такъ, скажемъ съ Апостоломъ, «Богъ богатъ милостію, по великой Своей любви, которою возлюбилъ насъ» (тамж. ст. 4).—Сообрази-же теперь, мой другъ, все сказанное здѣсь о прославленіи Христовомъ отъ исшествія Христова во адъ до восшествія самымъ человѣчествомъ къ возсѣданію на престолѣ Божества,—и ты поймешь эти слова Апостола о Христѣ: «Нисшедшій есть Тотъ же, который и восшелъ превыше всѣхъ небесъ, дабы наполнить все» (Ефес. IV, 10). Своею славою и благодатію отъ превышенебесной области до преисподней.

Вотъ, другъ мой, соучаствующій мнѣ въ славѣ и мысли, въ благодати и истинѣ Христовой,—отъ этой самой всё обнимающей полноты Христовой, открывшейся съ Его прославленіемъ, и преподаются намъ дары Св. Духа въ таинствѣ мvропома-

занія. Раскроемъ же теперь и внутреннее сродство этого таинства съ крещеніемъ и вмѣстѣ такое отличіе перваго отъ послѣдняго, по которому, послѣ крещенія это новое таинство совершенно необходимо. *Св. Духомъ, даннымъ намъ* чрезъ мvропомазаніе, *изливается въ наши* умы, *сердца* во всѣ органы нашихъ чувствъ и дѣятельности, та же *любовь Божія* (Рим. V, 5), по которой «Христосъ въ опредѣленное время умеръ за насъ нечестивыхъ» (ст. 6), въ которую мы погружаемся въ крещеніи, облекаясь чрезъ это во Христа и въ немъ становясь сынами Божіими, изливается въ насъ эта любовь Божія какъ уже торжественно открывшая побѣду Христову надъ самымъ адомъ, возсіявшая торжествомъ жизни надъ смертію во Христовомъ воскресеніи и превознесшая во Христѣ человѣчество до престола Божія, и потому дающая намъ властительную и живую сыновнюю свободу и безпрепятственное дерзновеніе предъ Отцемъ. Въ таинствѣ крещенія мы уже входимъ во внутреннѣйшее участіе любви Божіей и Христовой, явленной въ Христовомъ самопожертвованіи за насъ и за весь міръ до смерти; а отъ Св. Духа, чрезъ мvропомазаніе запечатлѣвающаго нашъ духъ и въ телесныхъ его органахъ (*), дается нашему уму даръ въ той или другой мѣрѣ разумѣть всеобъемлющую *широ-*

(*) Помазуются Св. міромъ *чело*—главное сѣдалище или органъ нашей мысли, ума, *перси*— сокровищница сердечныхъ движеній, *очи, уши и уста*—органы чувствъ, *руки и ноги*—органы дѣлъ и поступковъ.

ту и долготу и глубину и высоту этой, «превышающей разумъ, любви Христовой» (Ефес. III, 18. 19), нашему сердцу даръ въ той или другой степени чувствовать эту любовь Божію и Христову, внѣшнимъ нашимъ чувствомъ даръ воспринимать впечатлѣнія по направленію той же, простертой на все и особенно надъ зломъ всюду побѣдоносной, любви нашего Господа, всѣмъ прочимъ нашимъ способностямъ и силамъ—даръ дѣйствовать въ духѣ той же освѣщающей насъ любви Христовой, рѣшившей уже торжество добра надъ зломъ не только въ нашемъ земномъ мірѣ, но простирающей это торжество отъ небесъ до преисподней. Иное дѣло принять участіе въ благѣ Христовой жизни, иное дѣло умѣть или быть въ состояніи раскрыть и употребить это благо во всей его обширности: первое совершается съ нами въ крещеніи, а силы или дары для послѣдняго даются въ мvропомазаніи.

То правда, что здравая жизнь безъ силъ не мыслима; и мы въ крещеніи возрождаемся въ святую во Христѣ жизнь, конечно, не безсильную. Но силы и здравой жизни въ человѣкѣ (*) еще могутъ не имѣть, могутъ и имѣть особенные таланты или дарованья, судя потому, принадлежитъ ли этотъ человѣкъ, такъ сказать, къ любимцамъ или не лю-

---

(*) Мы разумѣемъ здѣсь человѣка въ порядкѣ настоящаго состоянія природы. Для лучшаго выясненія дѣла, мы пользуемся сравненіемъ съ этимъ порядкомъ порядка благодати, такъ какъ этотъ образъ выясненія порядка благодати употреблялъ и Спаситель въ бесѣдѣ съ Никодимомъ (Іоан. III, 8).

бимцамъ природы или, точнѣе сказать, судя потому, нужны, или нѣтъ, эти таланты для человѣка, по назначенію отъ Творца природы. И вотъ щедро-даровитая благодать, возродивъ своихъ чадъ въ крещеніи, обогащаетъ всѣхъ ихъ своихъ равно возлюбленныхъ, въ новомъ таинствѣ, великими талантами или дарованіями Св. Духа, соотвѣтственными великому ихъ назначенію. Вѣдь дѣтямъ благодати назначено побѣждать Христомъ все зло міра и самаго ада, на вѣки упрочивать за собою *сѣдѣніе на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (Еф. 11, 6) и такимъ образомъ «исполнится всею полнотою Божіей», открытою во Христѣ, *сходившемъ* до преисподней и *возшедшимъ превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (III, 19. IV, 10). Для сообщенія вѣрующимъ необходимыхъ для этого великаго ихъ назначенія даровъ Св. Духа и требовалось, какъ основное условіе, чтобы Христосъ, послѣ своей смерти, прославился славою побѣдоноснаго освободителя узниковъ во адѣ, славою воскресенія на землѣ, славою сѣдѣнія одесную Отца на небесахъ или «превыше всѣхъ небесъ» (по вышеприводимому выраженію апостольскому, Когда прославился Господь Іисусъ такою славою; то благодать Св. Духа, изливающая торжествующую надъ зломъ и все обнимающую любовь Божію во Христѣ, и открылась вѣрующимъ, сначала, чрезвычайнымъ образомъ въ сошествіи на Апостоловъ Св. Духа въ день пятидесятницы, а за тѣмъ навсегда— въ таинствѣ мѵропомазанія, имѣющемъ существен-

ную силу ту же, какая съ открытою торжественностію проявилась въ сошествіи Св. Духа.

Само собою впрочемъ разумѣется, что готовымъ и воспріимчивымъ къ дарамъ Св. Духа, сообщаемымъ въ мvропомазаніи, дѣлаетъ вѣрующаго именно крещеніе. Надо напередъ, чрезъ облеченіе во Христа Сына Божія, содѣлаться Сыномъ Божіимъ, что бы получить и самого «Духа Сына» Божія, «Духа усыновленія, которымъ мы взываемъ: Авва, отче» (Рим. VIII, 15 Гал. IV, 6). Надо войти въ любовь Божію во Христѣ, чтобы за тѣмъ отъ Св. Духа получить силу и умѣнье раскрывать и употреблять это животворное сокровище Божіей любви, какъ излившейся Св. Духомъ въ самое сердце наше. Надо погрузиться въ смерть Христову, чтобы раскрылась въ насъ Св. Духомъ и благодать Христова прославленія, послѣдовавшаго за смертію.

Но довольно ужъ тебѣ труда за этимъ письмомъ. Прощай до слѣдующаго письма, въ которомъ будемъ съ тобою разсуждать о томъ, какъ приводить въ движеніе или возгрѣвать въ себѣ благодать мvропомазанія.

—

Письмо пятое.

Возгрѣвать въ себѣ и другъ въ другѣ благодать таинства мvропомазанія—о, какъ это нужно, мой другъ! «Если кто духа Христова не имѣетъ, говоритъ Апостолъ Павелъ, тотъ и не Его» (Рим. VIII, 9). Значитъ, на сколько кто и *вотще принялъ* или не приводитъ въ живое движеніе и дѣйствіе принятую благодать Духа Христова, на столько тотъ и становится не Христовымъ. Страшно это для христіанъ! Напротивъ смотри, что̀ сказывается въ неотступно внемлющихъ живою вѣрою къ благодати Св. Духа, осѣнившаго Своимъ помазаніемъ ихъ умы, сердца и всѣ силы душевныя и съ тѣлесными ихъ органами. Вотъ что пишетъ къ такимъ Христіанамъ Св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ: «вы имѣете помазаніе отъ Святаго и знаете все... Помазаніе, которое вы получили отъ Него, въ васъ пребываетъ, и вы не имѣете нужды, чтобы кто училъ васъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ васъ всему, и есть истинно и не есть ложь, и какъ оно научило васъ, въ томъ пребывайте» (1 Іоан. II, 20. 27).

Относительно того, какъ намъ возгрѣвать или приводить въ живое движеніе и дѣйствіе благодать Св. Духа, полученную въ таинствѣ мvропомазанія, я располагаю повести бесѣду съ тобою въ слѣду-

ющемъ порядкѣ. Сначала скажу, какъ вообще намъ дѣйствовать или пользоваться дарами Св. Духа, сообщенными мvропомазаніемъ; потомъ укажу на нѣкоторыя частныя жалкія явленія, происходящія у насъ вслѣдствіе невнимательнаго или неправильнаго нашего отношенія къ благодати этого таинства; наконецъ разберу одно мѣсто изъ предсмертной Христовой бесѣды съ учениками, гдѣ Онъ говоритъ о дѣйствіяхъ имѣвшаго сообщиться имъ Св. Духа на самый міръ.

Какъ вообще намъ пользоваться и дѣйствовать дарами Св. Духа?—Отвѣчаю: именно какъ дарами Духа той Божіей во Христѣ любви, по которой Господь не только «за насъ нечестивыхъ умеръ», но для насъ же человѣковъ раскрылъ свою побѣду надъ зломъ въ самомъ аду, а на нашей землѣ проявилъ торжествующую жизнь въ самой области смерти чрезъ свое воскресеніе и возвысилъ въ себѣ человѣчество «превыше всѣхъ небесъ» до сѣдѣнія одесную Отца, такъ чтобы побѣдоносною надъ зломъ и спасающій человѣка благодатію «наполнить все.» Не пренебрегай, не отвергай никакой земной среды, гдѣ путается бѣдный человѣкъ, хотя бы она, казалось, ниспадала чуть не до ада; Господь торжественно проявилъ побѣду надъ зломъ и въ самомъ аду и далъ тебѣ, въ силу своего Св. Духа, проводить благодать этой самой своей побѣды надъ зломъ во всякую омрачаемую и озлобляемую имъ среду. Какъ, спросишь, проводить? Главное,—внимай самому, осѣнившему тебя, помазанію Св. Духа, внимай съ живою вѣрою въ Господа, умершаго за

грѣшныхъ и возмогшаго къ адскимъ даже узникамъ, не исключая и допотопныхъ исполинскихъ нечестивцевъ, явиться съ благодатію освобожденія; и, по удостовѣренію слова Божія, «само это помазаніе Святаго научитъ тебя всему», нужному для этого благодатнаго дѣла, съ сообщеніемъ потребной для того и силы. Съ другой стороны, въ какой бы ни очутился ты и высокой средѣ, высокой нравственно или умственно, по своему призванію или бытовому значенію, принеси и въ эту высокую среду и распространяй въ ней благоуханіе запечатлѣвшаго тебя «помазанія отъ Святаго». —Спросишь: какъ?— Держись, отвѣчаю, даннаго тебѣ отъ твоего Небеснаго Отца Духа Сына Его—Господа Іисуса, Который восшелъ самымъ человѣчествомъ своимъ превыше всего—до престола Своего Божества, но на такой высотѣ не только не забылъ, не оставилъ человѣковъ, труждающихся и обремененныхъ въ низменныхъ средахъ, но на нихъ-то склоняетъ свой благоволительный взоръ. Онъ и ихъ возводитъ въ себѣ въ любовь Своего Отца, чтобы и ихъ посадить съ Собою «на небесныхъ» (Ефсс. II, 5. 6); только бы они сами вѣрою принимали и удерживали такую благодатную честь. Держись, говорю, даннаго тебѣ Духа твоего Спасителя, Который, сѣдя одесную Отца, Своимъ Богочеловѣчествомъ, Своими крестными язвами, вѣчно - живою силою напоминающими Его безконечное истощеніе за насъ, вообще Своимъ «Я» и ходатайствуетъ за наше бѣдное грѣшное «я», за заблуждающихъ и погибающихъ человѣковъ. Да, другъ мой! Если бы стоя-

щіе или возсѣдающіе въ высшихъ средахъ по образованности или бытовому положенію, равно и по духовной стражбѣ или ревности о благочестіи, мыслію и сердцемъ внимали и неуклонно слѣдовали «помазанію отъ Святаго», то не только не возносились бы надъ низшими ихъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, но своимъ-то «я» со Христомъ и стояли бы за всякое другое «я», уступающее имъ относительно благочестія ли, образованности ли или просто званія и состоянія.—Скажешь ли, мой другъ, или только подумаешь, что мы слишкомъ мертвы духомъ для всего, сказаннаго выше,—слишкомъ запутаны и забиты противоположными навыками и воззрѣніями, идущими или совсѣмъ помимо Христа, или (что̀ по убійственной силѣ своей одно и тоже) помимо истиннаго Христова Духа? — Я знаю, что это—горькая правда, повергающая меня иногда въ глубокое уныніе. Но вѣдь не мечта же, а непреложная правда, достаточная оживить и ободрить даже безнадежныхъ, есть данный намъ Духъ Христа, Который, ради насъ же или, по апостольскому выраженію (Рим. IV, 25), *за оправданіе наше*, проявилъ торжествующую жизнь изъ самой смерти—въ Своемъ воскресеніи. Я знаю и тебѣ лично разсказывалъ примѣръ или опытъ одного человѣка, попавшаго—было чрезъ не человѣколюбивый эгоизмъ чуть не въ адскую глубину духовной мертвости, который однако изъ этой смерти изникъ къ благодатной жизни, да не одинъ самъ, а и съ окружающими его. Какъ?—Такъ, что и самое начало выхода своего изъ бездны погибельной онъ положилъ

въ томъ, чтобы во Христѣ ужъ не отдѣлять себя и своего дѣла отъ другихъ, держась именно Духа Самого Христа, собственнымъ Своимъ «я» ставшаго за другое «я» каждаго гибнущаго человѣка — и въ человѣколюбивомъ истощаніи и въ прославленіи Своемъ.

Нужно ли наглядное удостовѣреніе и убѣжденіе для тебя, мой лучшій другъ, что внушаемое тебѣ мною направленіе есть, дѣйствительно, направленіе Самаго Духа, сообщеннаго намъ въ мvропомазаніи и первоначально сошедшаго на Св. Апостоловъ, и что именно въ этомъ направленіи надо намъ возгрѣвать благодать разсматриваемаго таинства? Я увѣренъ, что ты и безъ того ужъ твердо убѣжденъ въ этомъ, мой другъ. Однако вотъ смотри самъ, куда и какъ подвигнуты были Св. Апостолы сшедшимъ на нихъ Св. Духомъ. Повелъ ли Онъ ихъ сейчасъ же прочь отъ родныхъ имъ Іудеевъ, какъ видѣвшихъ и слышавшихъ нѣсколько лѣтъ Самого Господа, но Его рѣшительно отвергнувшихъ, распявшихъ, виновностію своего невѣрія и противленія превзошедшихъ древніе языческіе города Тиръ и Сидонъ, даже Содомъ и Гомору, по суду Самого Господа (Мат. XI, 21—24)? Напротивъ Духъ благодати направилъ избранныхъ своихъ сосудовъ прежде всего къ тѣмъ же Іудеямъ, съ такимъ благовѣстіемъ спасенія: «Богъ, воскресивъ Сына Своего Іисуса, къ вамъ первымъ послалъ Его благословить васъ, отвращая каждаго изъ васъ отъ злыхъ дѣлъ вашихъ» (Дѣян. III, 26). И за тѣмъ еще Духъ Св. удерживалъ въ предѣлахъ Іудеи посланниковъ Гос-

поднихъ ко всему міру, назначенныхъ *научать вся языки* (Мат. XXVIII, 19), *проповѣдывать Евангеліе всей твари* (Марк. XVI, 15), все еще ища послѣднихъ зеренъ пшеницы среди плевелъ христоубійственнаго народа. Но и когда противленіе Іудеевъ Господу продолжалось и только усиливалось, избранный нарочито для язычниковъ Апостолъ, особенно ненавидимый Іудеями, обращался съ проповѣдію, по внушенію Духа Божія, въ разныхъ странахъ и городахъ Римской Имперіи, сначала все къ тѣмъ же Іудеямъ. Мало того; излившаяся Св. Духомъ въ сердце этаго Апостола любовь къ грѣшнымъ Спасителя нашего, бывшаго за нихъ олицетвореніемъ проклятія на крестѣ, подвигла этого учителя языковъ даже къ тому, что и онъ, въ великой скорби и непрестающей болѣзни своего сердца о тѣхъ же Богоборныхъ Іудеяхъ, лично его гнавшихъ съ заклятіемъ иногда ни ѣсть, ни пить, пока его не убьютъ,—и онъ желалъ бы *самъ отлученъ* («анафема») *быть отъ Христа* за этихъ, какъ онъ говоритъ отъ искренняго сердца, «братьевъ» своихъ (Рим. IX, 2. 3). И этого все еще мало; чрезъ того же Апостола Духъ Св. засвидѣтельствовалъ, что Іудеи, сдѣлавшись врагами Богу изъ за своего упорнаго противленія христіанству, остаются еще «возлюбленными Богу ради отцевъ» (Рим. XI, 28), что, слѣдовательно, Сынъ Божій Іисусъ Христосъ нашелъ еще и въ этихъ ожесточенныхъ своихъ противникахъ, въ залогъ будущаго ихъ обращенія (29—31 ст.), мѣсто для отсвѣта любви Своего Отца, которая вся въ Сынѣ и только чрезъ Него и въ Немъ

дѣлаетъ Своими возлюбленными людей. Вотъ каковъ Духъ любви Божіей во Христѣ, пріятый нами въ таинствѣ мvропомазанія!

Смотри теперь, другъ мой, какъ Духъ Св. одушевлялъ и располагалъ Апостоловъ по отношенію къ язычникамъ, этимъ многовѣковымъ, отъ самаго зарожденія своихъ народностей, отступникамъ отъ Истиннаго Бога, поклонникамъ мечтательныхъ призраковъ Божества. Духъ Христа, пролившаго кровь за вины всего міра, какъ будто Онъ Самъ и былъ виноватъ въ нихъ, далъ Апостоламъ и изъ языческаго міра собрать новаго возлюбленнаго Израиля, который и долженъ былъ заступить мѣсто (извѣтшавшаго или вывѣтрившагося) древняго плотскаго Израиля; а для этаго двигалъ ихъ изъ города въ городъ, изъ одной страны въ другую во всю землю до предѣловъ вселенной. Смотря на идоловъ, наполнявшихъ самые образованные города, Апостолы снѣдались скорбію; но Духъ любви Божіей къ гибнущему и заблуждающему человѣчеству даваль имъ примѣтить затаившіяся и во тьмѣ язычества искры Божіей истины, отсвѣтъ, хотя и сумрачный, истиннаго богопоклоненія (см. Дѣян XVIII, 16,23,28). Апостоловъ гнали и мучили за благовѣстіе спасенія; но Духъ Христовъ давалъ имъ, и въ самыхъ ихъ злостраданіяхъ исполняться въ сладость любовію Самого Господа къ Своей Церкви, по которой онъ страдалъ за нее, и притомъ все еще чувствовать малость недостаточность своего одушевленія этою Господнею любовію къ церкви такъ, что они стремились новыми подвигами и злостра-

даніями болѣе и болѣе восполнять въ себѣ такую недостаточность (Колос. 1, 24), «забывая заднее и простираясь впередъ» (Филип. 111, 13). Міръ іудейскій и языческій наполняли все во вселенной, но Апостолы съ юною Христовою Церковію уже торжествовали побѣду надъ міромъ (Іоан. V, 4. 5). Не то, чтобы зло міра они стушевали для себя, нѣтъ, они яснѣе и глубже всѣхъ видѣли зло; но Духъ Св. исполнялъ ихъ тою любовію Христовою, по которой Христосъ вынесъ всю тяжесть мірскаго зла и славу этой побѣды надъ зломъ проявилъ отъ небесъ до ада дабы «наполнить все» своею истиною и благодатію.

Другъ мой! Пусть духовное іудейство не позволяетъ у насъ однимъ входить въ самую силу Христовой истины,—въ Духъ Христова человѣколюбія; пусть духовное язычество увлекаетъ другихъ къ новымъ идоламъ—къ разнымъ идеямъ помимо Христа. Но *Христосъ вчера и днесь и во вѣки той же*. Не измѣнился въ своемъ направленіи и Духъ Святый, не измѣнился Онъ и въ своей силѣ ни спровергать іудейство и язычество истиною и благодатію Христовою. Только надо идти за Св. Апостолами, которые не давали въ себѣ, чрезъ свою побѣдоносную надъ міромъ вѣру, оставаться безъ всеобщаго движенія и дѣйствія—благодати Св. Духа, въ истинномъ и прямомъ Его направленіи *не судить* нечеловѣколюбиво, а *спасать* грѣшный погибающій міръ, заблуждающаго мертвымъ іудействомъ или разнузданнымъ язычествомъ человѣка.— Прости пока, мой другъ!

Письмо шестое.

Помнится, мой другъ, ты самъ прекрасно разсуждалъ, почему въ пророкахъ Ветхаго Завѣта одинъ и тотъ же Св. Духъ являлся строже, нежели въ Апостолахъ Новаго завѣта. Посвятимъ и этому вопросу одно письмецо въ дополненіе сказаннопму въ прежнемъ о Св. Апостолахъ. Вѣдь мы и пророкамъ должны слѣдовать, а не однимъ Апостоламъ; что же въ самомъ дѣлѣ сказать о томъ, что Св. Духъ въ пророкахъ вѣтхозавѣтныхъ вооружался противъ нечестивыхъ изъ избраннаго народа и противъ языческихъ народовъ, истинно можно сказать, громами и молніями?—Сказать ли объ этомъ то, что такъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, до воплощенія ради всѣхъ человѣковъ Сына Божія, до смерти Христовой именно за грѣшныхъ, до прославленія Его побѣдою надъ грѣхомъ, совершенною тѣмъ, что Онъ вину и смертность его вынесъ самъ на Себѣ? Да; надо сказать и это. Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ прямо говоритъ (какъ это мы съ тобою видѣли и разбирали въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ), что на вѣрующихъ во Христа «еще не было Духа Св., потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ». Не было на нихъ Духа Св. собственно въ направленіи Христова человѣколюбія

и самопожертвованія за грѣшныхъ: а ужъ осѣнялъ ихъ Св. Духъ, какъ засвидѣтельствовалъ о Немъ Самъ Господь ученикамъ еще до страданія Своего: *въ васъ пребываетъ* (Іоан. XIV, 17),—только ученики Христовы и сами еще не вѣдали, какого они духа, и бывали готовы иногда тоже огонь низводить на грѣшныхъ людей, которыхъ Христосъ пришелъ не погублять, а спасать,—въ чемъ Онъ ихъ и вразумлялъ съ запрещеніемъ ихъ нечеловѣколюбію (Лук. 9, 54-56). Тотъ же снѣдаемый грозою и ревностію противъ зла Иліи, послѣ раскрытія Христовой ревности выносить и, такъ сказать, выжигать на себѣ самомъ это зло, снѣдался бы ужъ этою Христовою ревностію любви, жертвующей собою за несчастныхъ жертвъ зла. Но Духъ Св., вдохновлявшій пророковъ, вѣдь былъ Христовъ же и однако дѣйствовалъ грозою противъ беззаконниковъ? Вообще это грозное въ Ветхомъ Завѣтѣ проявленіе Духа Божія надъ беззаконниками, объясняется изъ того, что они, до пришествія Ходатая грѣшныхъ, до полнаго открытія въ Немъ милующей грѣшныхъ благодати, естественно болѣе подлежали гнѣву Божію за свои беззаконія, нежели помилованію. Что же касается до дѣйствія Самаго же Христа и въ этихъ грозныхъ ветхозавѣтныхъ проявленіяхъ Св. Духа, какъ Духъ Его же, на сколько Онъ предварительно открывался и въ Ветхомъ Завѣтѣ,—это объяснено Самимъ Спасителемъ Христомъ во время земной Его жизни. Случалось, что Онъ, какъ будто со всѣмъ по ветхозавѣтному, буквально *бичемъ* вооружался противъ рабовъ грѣха,

именно противъ оскорбителей святыни храма; но право свое на это Онъ утверждалъ не просто на правосудіи своемъ, какъ Господь Храма, отмститель за поруганную его святыню, а на своемъ рѣшеніи и готовности отдать за грѣшныхъ на раззореніе храмъ даже собственнаго своего тѣла (Іоан. 11, 15. 21). Или бывало еще такъ, что, Господь (очевидно въ тонѣ древнихъ пророковъ) громилъ нѣкоторыхъ своихъ слушателей, прямо въ глаза, названіемъ «лицемѣровъ», ради лукаваго и «прелюбодѣйнаго», съ негодованіемъ отказывалъ давать для нихъ знаменія, но къ этому прибавлялъ: «кромѣ знаменія Іоны пророка» (см. Матѳ. XVI, 4), который, какъ протолковалъ Самъ Спаситель, тридневнымъ своимъ пребываніемъ во чревѣ китовѣ предъявилъ трехдневную смерть Христову.—Какое еще вамъ злымъ лицемѣрамъ знаменіе,—какъ бы такъ говорилъ Господь этимъ людямъ. Для васъ разнузданные, а то скрывающіеся еще подъ личиною набожности—невѣры (*), нужно развѣ только такое знаменіе, что бы за вашу нестерпимую виновность Самому умереть и быть погребеннымъ на три дня, какъ Іона на три же дня былъ поглощенъ китомъ.—Такъ Господь и въ ветхозавѣтныхъ откровеніяхъ и предъявленіяхъ своихъ поражалъ беззаконныхъ нещадными обличеніями и прещеніями, имѣя самъ (и тогда же многообразно открывая) неизмѣнное рѣшеніе

(*) Рѣчь Спасителя была къ Фарисеямъ—вождямъ лицемѣрной набожности и къ Саддукеямъ — людямъ языческаго направленія.

и готовность идти въ міръ пострадать и умереть за этотъ беззаконный міръ; это надо непремѣнно имѣть въ виду при чтеніи грозныхъ пророческихъ рѣчей, чтобы разумѣть ихъ не односторонне, а въ настоящемъ ихъ духѣ. Громи, кто хочетъ, такими же безпощадными обличеніями и прещеніями лукавый и прелюбодѣйный міръ, но въ томъ же Христовомъ Духѣ, съ Христовою готовностію жертвовать собою за грѣшниковъ заблуждающихъ.

Боятся потакнуть злу и неправдѣ чрезъ этотъ человѣколюбивый духъ, раскрываемый самимъ Св. Духомъ. Несчастные, воображаютъ себѣ, будто они болѣе отвращаются отъ зла и неправды, нежели самъ Духъ истины. Предъ Духомъ-то человѣколюбія и падаютъ въ прахъ зло и неправда, какъ это въ Апостольское время наглядно показано чрезъ смерть Ананіи Сапфиры отъ одного кроткаго слова Петра Апостола.

—

Письмо седьмое.

Хочу, мой другъ, обратить теперь твое вниманіе на тѣ грустныя духовныя явленія, какія происходятъ у насъ вслѣдствіе невнимательности нашей къ данному намъ Духу благодати, въ надлежащемъ Его направленіи.

Прежде всего возьмемъ во вниманіе столь обыкновенныя и почти невольно вырывающіяся у людей, мало-мальски благочестивыхъ, жалобы на упадокъ въ мірѣ благочестія христіанскаго. Жалобы горькія, но справедливыя! Но справедливо и то, что всё же не оскудѣли со всѣмъ искренно любящіе Христа, церковь православную и благочестіе. Въ разныхъ средахъ, тамъ и здѣсь, всё таки попадаются эти люди. Но вотъ, по моему, въ чемъ особенная наша бѣда: рѣдко, крайне рѣдко встрѣчаются между ними такіе, которые, ненавидя отъ всего сердца нечестіе и зло, стояли бы за человѣка грѣшнаго; а большею частію его-то именно и бросаютъ. Ну, положимъ, завелось у насъ много, много больныхъ, помертвѣлыхъ духомъ; много страдаютъ ужасными припадками зла, много находится въ безпамятствѣ отъ разныхъ горячекъ умственныхъ и нравственныхъ или изнываетъ въ чахоткѣ какой-то унылой апатіи ко всему жизненному. Но еще Богъ помиловалъ насъ,—есть сохранившіе добрую духовную память, бодрость, жизнь; пусть эти счастливцы будутъ братьями и сестрами милосердія для больныхъ, внимая и слѣдуя внутреннему и человѣколюбивому «помазанію отъ Святаго.» Дѣло наше по немногу еще можетъ поправиться. Такъ нѣтъ! Давайте,—и болѣе здоровые, или только бить лежачихъ больныхъ, кричать на нихъ, или просто бѣжать отъ нихъ съ отвращеніемъ. Въ шубѣ, нужной для нашей жестокой русской зимы, завелись нечистыя насѣкомыя. Побереги для себя эту шубу, православный русскій человѣкъ; не бросай ее

въ печь, и потрудись бережно очистить ее отъ мелкой гади. Вѣдь въ насъ Духъ Того, Кто послалъ Сына Своего въ міръ грѣшный не судить или осуждать его на гибель, а спасти отъ гибели; слѣдуй этой волѣ и Духу Отца Небеснаго, Который излилъ и въ твое сердце такую Свою любовь,—прислушайся только къ Духу благодати въ твоемъ сердцѣ. Такъ нѣтъ! У насъ слышатся иногда еще такіе кличи во имя самой вѣры: проклятіе и гибель—всякой средѣ, гдѣ завелось то или другое не христіанское, неправославное... И вотъ, такимъ образомъ, самая ревность по благочестію, то самое, что должно быть силою противъ разлива зла, обращается только на то, чтобы видъ этаго гибельнаго разлива являлся еще безотраднѣе и безнадежнѣе. Не такъ, мой другъ, должно быть по Христову Духу, намъ данному! По поводу преобладанія во всякихъ средахъ міра нехристіанскихъ стихій, неправославныхъ стремленій и идей, мы и будемъ усиливаться въ эти самыя среды проводить Христову истину и благодать *не* *помѣтая* этаго Божественнаго *бисера* *предъ* *свиніями* упорства дикаго и злобнаго (*), но вѣрою внимая и слѣдуя Духу Того, Кто, по поводу разтлѣнной грѣховности міра, и сошелъ въ этотъ міръ взять на себя его грѣхи и Кто возшелъ изъ этаго міра на небеса уже съ обожженною человѣческою природою, проявивъ наперед побѣду свою надъ грѣховностію мірскою

(*) Матѳ. VII, 6.

даже въ самомъ аду. Наша сила и руководство для этаго въ «помазаніи отъ Святаго,» Которому существенно принадлежитъ гуманность или филантропія или, какъ хотите, назовите эту Христову любовь къ человѣчеству, которой не чуждо ни что человѣческое: доброе человѣческое—ея область, а худое она выноситъ на себѣ. И тѣмъ его упраздняетъ, отсѣкаетъ отъ людей. Смотри далѣе, мой другъ, на то еще не радостное явленіе, что у насъ такъ рѣдко, рѣдко и мало можно встрѣтить благодатной свободы даже въ лучшихъ христіанахъ. Какъ будто снова ожилъ въ насъ мертвящій духъ нравственной боязливости и рабства, изгнанный и замѣненный животворнымъ Духомъ усыновленія. Какъ будто мы ужъ опять только рабы, а не дѣти у Отца Небеснаго, свободно располагающіе собою и дарами Его благости, имѣющіе дерзновеніе относиться къ Нему Самому ради Его Сына съ такимъ простымъ воззваніемъ: *Авва, Отче!* Все чего-то боимся, чѣмъ-то стѣсняемся въ духѣ; явленія зла и нравственнаго и внѣшняго насъ пугаютъ и разслабляютъ, а наладиться благомъ съ открытымъ сердцемъ, съ свободнымъ духомъ не умѣемъ или даже считаемъ едва ли не грѣхомъ. За то, съ другой стороны, когда ужъ захотимъ дать себѣ какой-то временный отпускъ на волю, то уже такъ и сознаемъ, что хотимъ грѣшить, да и дѣйствительно начинаемъ грѣшить, своевольничать, разнуздывать себя отъ всего; такъ что, съ повтореніемъ этихъ, какъ я назвалъ, временныхъ отпусковъ на волю, многіе и на всегда остаются въ направленіи разнузданности,

со всѣми печальными ея послѣдствіями въ умственной и нравственной жизни. — Другъ мой! Боязливое и въ самомъ добрѣ обыкновенно мелочное, нравственное рабство, которымъ, съ другой стороны, вызывается и поддерживается разнузданность духа, есть неизбѣжное и прямое послѣдствіе того, когда самое добро мы стали бы дѣлать болѣе по внѣшнему предписанію того или другаго долга, а не просто умомъ и сердцемъ внимая и слѣдуя внутреннему «помазанію отъ Святаго» (*) *пребывающему въ насъ* (1 Іоан. 11, 27) по силѣ особеннаго таинства, совершеннаго надъ нами церковію. Ты, конечно, замѣчалъ, что человѣкъ, исполняющій должное по внутреннему началу убѣжденія и совѣсти, обыкновенно отличается благородною независимостію духа, внушающею невольное къ нему уваженіе, хотя бы онъ свое внутреннее начало еще, можетъ быть, не возвелъ прямо къ Духу истины, добра и всего жизненнаго, святаго. Суди же по этому, какова благодатная независимость или свобода духа въ томъ, кто внутренно, съ дѣтскою простотою и прямотою, внимаетъ и слѣдуетъ во всемъ Самому Духу истины и благодати. Самый этотъ Духъ свидѣтельствуетъ духу Его, что Онъ,

---

(*) Внимать и слѣдовать *помазанію*, какое *мы имѣемъ отъ Святаго* (1. Іоан. II, 20), значитъ внимать и слѣдовать самому Духу благодати, и въ Его силѣ воспринимать и Господа Іисуса, въ Которомъ почиваетъ Св. Духъ, и въ Іисусѣ Христѣ и Самаго Отца Небеснаго, Котораго Онъ есть существенное сіяніе и слава. Помазаніе есть нераздѣльное дѣйствіе Пресв. Троицы.

какъ соучастный Христу Сыну Божію душею и тѣломъ, есть уже не рабъ, а Сынъ у Отца Небеснаго (Рим. VIII, 16), есть не чужой и пришлецъ, а согражданинъ святыхъ и Свой Богу (Еф. 11, 19). И потому всякое дѣло и работу, умственную ли или внѣшнюю, исполняемую по требованію ли Власти или по собственному только побужденію и выбору, онъ дѣлаетъ не иначе, какъ зная своего великаго по этому дѣлу Довѣрителя и хозяина въ Самомъ Отцѣ Небесномъ, служа и работая Ему Самому независимо въ духѣ ни отъ чего помимо Его. Благами и радостями жизни Онъ пользуется, или дозволяетъ себѣ по обстоятельствамъ и особенныя утѣшенія и удовольствія, съ открытымъ сердцемъ, не теряя изъ виду и живо ощущая, что онъ и въ этомъ (исполняя, конечно, заповѣди Христа Бога и правила святой Его Церкви) пользуется и наслаждается только любовію и щедростію Своего всеблагостнаго Отца, *дающаго* намъ ради Сына Своего *вся обильно въ наслажденіе*; зазирать себя въ этомъ или стѣснять свой духъ рабскою мнительностію— ему нечего. Разные виды внѣшняго зла, нищета, лишенія близкихъ, болѣзни, смерть — въ Господѣ Іисусѣ, страдавшемъ, умершемъ и воскресшемъ — передѣланы уже, такъ сказать, въ другое значеніе, по которому и въ этихъ крайне тяжелыхъ явленіяхъ и опытахъ можно видѣть и получать благодать; что это послѣднее не мечта или не простое только представленіе и завѣреніе себя, а сама истина, объ этомъ внимающій Духу благодати получаетъ отъ Него глубокое внутреннее свидѣтельство, опытное

дознаніе. Что касается до явленій истиннаго зла, духовнаго и нравственнаго, *возгрѣвающій* въ себѣ благодать «помазанія отъ Святаго» ощущаетъ и даже раздѣляетъ царственную, проявленную и въ адѣ, побѣду Господа надъ этимъ зломъ, что Онъ тяготу, виновность грѣшныхъ понесъ на себѣ и удержавъ въ своей любви запутавшихся въ узахъ зла людей (разумѣется подъ условіемъ показанной ихъ вѣры), а своихъ вѣрныхъ сообщниковъ посадивъ съ собою на небесахъ, выше здѣшняго зла. — Пойдемъ, мой другъ, вмѣстѣ или сообща къ этой истинно благородной духовной свободѣ, возвышенной надъ рабскою боязливостію или зависимостію духа отъ кого либо и чего либо внѣ благодати Отца Небеснаго, не просто отвнѣ простертой къ намъ съ многоразличными своими орудіями, но и въ насъ же пребывающей въ силѣ Духа Христова.

Упадокъ благодатной свободы и филантропическаго направленія въ самомъ благочестіи многихъ. Это, мой другъ, главныя бѣдственныя явленія и слѣдствія того, что благодать «помазанія отъ Святаго» нами мало или не въ прямомъ ея направленіи приводится въ движеніе и дѣйствіе. Есть и другія, зависящія, вполнѣ или отчасти уже отъ этихъ, послѣдствія того же самаго. Такъ, въ отношеніи къ умственной сторонѣ нашего духа и жизни, знаемъ, какъ много и у многихъ усыплена мысль. Эти люди, засыпающіе умомъ часто подъ предлогомъ простоты вѣры, забываютъ, что дѣйствительно пользующемуся благодатію «помазанія,» насъ всѣхъ запечатлѣвшаго, дано «узнавать все» (1.

Іоан. II, 20). «Ну, такъ съ насъ и довольно одного этого помазанія,» скажутъ сейчасъ мечтательные мистики. Но вѣдь даръ «узнавать все» требуетъ для раскрытія своего усилій и подвиговъ вѣры нашей, къ которымъ и относится возбужденная и живая дѣятельность мысли нашей; въ противномъ случаѣ и даръ «узнавать все» останется въ насъ бездѣйственнымъ. Притомъ печать «помазанія отъ Святаго,» запечатлѣвая насъ и на самыхъ тѣлесныхъ органахъ нашего духа, какъ напр., въ отношеніи къ уму, на самомъ нашемъ челѣ, чрезъ это самое наглядно показываетъ, что благодать Духа не упраздняетъ или не обезсиливаетъ, но своимъ помазаніемъ святитъ и живитъ силы нашего духа вообще и ума въ частности, святитъ и живитъ въ ихъ законахъ и порядкѣ отправленій—до ихъ связи и взаимнодѣйствія съ самою тѣлесностію. Значитъ, если ужь приводить въ дѣйствіе и движеніе эту благодать по отношенію къ нашему духу и именно къ умственной его сторонѣ, то надо «узнавать все» сообразно психологическимъ, логическимъ и даже физіологическимъ законамъ и условіямъ нашей мысли, только при этомъ неотступно внимая и слѣдуя « помазанію отъ Святаго» или Духу благодати и истины, Духу любви, все создавшей и содержащей, да и тяжесть зла и нестроеній на себя же подъемшей. Чувствуешь ли ты, мой другъ, чѣмъ можетъ наконецъ сдѣлаться наука, какихъ таинъ она не выяснитъ и не откроетъ, а открытое уже и извѣстное какимъ освятитъ новымъ свѣтомъ!

Въ отношеніи къ сердечной сторонѣ нашего духа, всего чаще повторяется, мой другъ, то грустное до слезъ явленіе, что, по выраженію апостольскому (Гал. III, 3), «начавъ Духомъ, оканчиваемъ плотію»? Духъ благодати, котораго печать и залогъ мы получили въ мvропомазаніи, есть Духъ всего жизненнаго, добраго и прекраснаго. Случается, что человѣкъ, особенно въ свѣжей юности, подвигнется или стремленіемъ къ благородному, возвышенному, строго серьёзному, или болѣе мягкимъ и нѣжнымъ чувствамъ мирнаго, стройнаго, прекраснаго, и том. под. Надо бы только очистить, упрочить и освятить это движеніе чрезъ возвышеніе его къ самому Духу благодати (къ вѣянію котораго оно и относится въ своемъ глубочайшемъ основаніи, хотя смѣшиваясь болѣе или менѣе и съ человѣческою немощію и нечистотою), и потомъ ужь быть твердымъ и постояннымъ, неизмѣнно вѣрнымъ этому движенію, только внимая и слѣдуя всё тому же Духу. И вотъ такимъ образомъ, подобное движеніе, подъ осѣненіемъ и вліяніемъ Духа благодати, развивалось бы и возрастало до зрѣлости и духовнаго плода. Такъ нѣтъ! Не умѣютъ или не хотятъ держаться въ подобныхъ движеніяхъ даннаго намъ чрезъ церковное таинство Духа благодати или «помазанія отъ Святаго»; и вслѣдствіе этаго эти движенія или становятся мечтательными и пойдутъ наконецъ стезёй обольщенія, или съ продолженіемъ времени слабѣютъ и наконецъ пропадаютъ отъ житейской положительности, или уступаютъ духовной жосткости, трактуемыя

уже за что-то недостойное и даже грѣховное. Ко всѣмъ такимъ людямъ относится это слово Апостольское къ галатійскимъ Христіанамъ, вдавшимся именно, послѣ высокихъ благодатныхъ движеній, въ жосткое, самооправдательное направленіе іудейства: *Тако ли несмыслени есте, начеше Духомъ, нынѣ плотію скончевате!*

Въ отношеніи къ жизни практической, есть своего рода грустныя явленія — послѣдствія той же преступной невнимательности нашей къ Духу благодати, въ истинномъ Его направленіи. Объ этихъ явленіяхъ я съ тобой толковалъ не одинъ разъ; онѣ совершаются именно во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что, глубоко внѣдренный въ насъ по благодати таинства мvропомазанія, Духъ Христовъ дѣйствуетъ и проявляется въ душахъ сообразно особой пріемлемости и устроенію каждой, полагая такимъ образомъ въ разныхъ Христіанахъ залоги и различныхъ своихъ дарованій, хотя и невыходящихъ изъ общаго своего единства. Такимъ чуднымъ снисхожденіемъ Духа благодати къ особенностямъ разныхъ членовъ церкви Христовой, зависящимъ не только отъ внутреннихъ, но и отъ внѣшнихъ условій, неразуміе человѣческое злоупотребляло еще и въ Апостольское время, когда различныя дарованія благодатныя раскрывались въ церкви и чрезвычайною поразительностію: случалось, что не умѣли пользоваться этими дарованіями въ стройномъ порядкѣ и согласіи, съ пользою для всего общества (См. 1. Кор. XIV гл.) Наша, или въ наше время проявляв-

шаяся, духовная глупость бываетъ, разумѣется, еще безпорядочнѣе и вреднѣе для общаго дѣла и блага. Слышитъ, напримѣръ, одинъ православный соотвѣтственное личнымъ его особенностямъ внушеніе или влеченіе Духа истины, но не замѣчаетъ соотвѣтствіе этому въ другомъ православномъ, которому, въ глубинахъ его духа, сообщается такое же благодатное внушеніе, но сообразное особенному его устроенію и потому различное отъ перваго. Не теряйте при томъ изъ виду обычныхъ у насъ грѣшныхъ людей примѣсовъ худа и къ самому добру. И вотъ, между двумя православными начинаются недоразумѣнія, взаимные попреки и столкновенія, недовольство и не любовь. (Извѣстное вѣдь дѣло, что въ мутной водѣ человѣкоубійственному врагу всякого добра удобно ловить рыбу.) Такъ бываетъ между многими людьми разныхъ характеровъ, талантовъ, званій, образованій, половъ, возрастовъ. Такъ бываетъ (если сообщаемую вѣрнымъ въ таинствѣ благодать соображать и съ дѣйствіями еще *предваряющей* благодати) съ разными національностями и въ между народныхъ отношеніяхъ. Бѣдная человѣческая глупость, умѣющая во вредъ себѣ и другимъ злоупотребить и благодатнымъ добромъ! Пусть бы этою глупостію отличались только тѣ, на которыхъ пока и можетъ простираться одна предваряющая благодать, еще только ведущая ихъ ко Христу. А то и Христіане и православные словно забыли, что разныя жизненныя вѣянія или движенія духа справедливости, добра, человѣколюбія и том. под. принадлежатъ въ

источникѣ разумѣется при возвышеніи надъ разными грѣховными примѣсами одному Духу всего истинно-добраго и жизненнаго, Духу благодати, а это есть Духъ Христовой любви, на себѣ вынесшей всевозможныя духовныя тяготы и недостаточества человѣческія. Держаться бы намъ этого Духа и въ этомъ самомъ Его направленіи: тогда разныя наши, запечатлѣнныя Имъ, духовныя особенности, *свои* у каждаго, вели бы не къ разъединенію нашему во вредъ себѣ и другимъ, но къ восполненію недостатковъ одного соучастіемъ другаго, къ несенію тяготы другъ друга, къ стройному и прекрасному раскрытію многоразличныхъ дарованій и вліяній благодатныхъ въ разныхъ людяхъ, званіяхъ, полахъ, возрастахъ, образованіяхъ, національностяхъ, какъ въ разныхъ живыхъ и здоровыхъ членахъ одного великаго организма—Христова тѣла единой вселенской церкви. Вспомни, мой другъ, что такъ было сначала только въ маломъ обществѣ Христовыхъ учениковъ, разросшемся потомъ во всю землю и до концевъ вселенныя. То же самое возможно и теперь по отношенію къ соединенію слишкомъ разошедшихся между собою Христіанъ. Только каждый изъ насъ, съ своими духовными, особенностями пользуйся вліяніями благодатными, открывающимися во всякихъ добрыхъ и святыхъ движеніяхъ,—пользуйся не въ предосужденіе другихъ, въ которыхъ не видно того же, а именно къ восполненію недостающаго у другихъ и притомъ еще съ тонкимъ, уважительнымъ наблюденіемъ надъ этими другими, что̀ и съ ихъ стороны есть

добраго и жизненнаго въ *своемъ* родѣ къ восполненію твоихъ собственныхъ недостаточествъ. Другъ! Будемъ помогать другъ другу дѣйствовать именно такимъ образомъ въ свою и общую пользу, для произведенія которой нѣтъ недостатковъ и безсилія со стороны Духа благодати, намъ даннаго. Говорю тебѣ *обще*, а ты ужь самодѣятельно примѣняй сказанное къ твоимъ особымъ отношеніямъ, къ отношеніямъ между домашними, знакомыми, родными, къ отношеніямъ религіознымъ, дѣловымъ, политическимъ, литературнымъ и такъ далѣе.

Въ заключеніе этого длиннаго письма хочу сказать тебѣ еще объ одномъ явленіи, происшедшемъ и доселѣ происходящемъ отъ той же причины — отъ оставленія христіанами безъ должнаго и прямаго движенія, сообщенной имъ благодати «помазанія отъ Святаго». Это явленіе есть вмѣстѣ и историческое, относящееся своимъ началомъ и раскрытіемъ главнымъ образомъ уже къ прошедшему, и современное, относящееся къ намъ самимъ, — явленіе, оплакать которое недостаточно никакихъ слезъ. Духъ благодати, помазаніе котораго запечатлѣло насъ чрезъ особое таинство, въ существѣ своемъ есть Духъ, отъ Отца исходящій и въ Сынѣ почивающій. Въ такомъ смыслѣ и силѣ и надо пользоваться данною намъ благодатію Духа Святаго. Вѣдь Божія истина—не буква свышемірнаго или метафизическаго представленія, но духъ и сила, дѣйствующая и на нашу мірскую низменность. Разсуждай самъ, мой другъ. Всякое *отчество* у насъ, отчество духовнаго руководительства и предстоя-

тельства, отчество родителей по плоти, властей, старшинству, превосходства, благодѣтельства — *именуется* (и должно раскрываться въ истинномъ или православномъ христіанствѣ) и иначе какъ по Отцу Небесному, по *Отцу Господа нашего Іисуса Христа* (Ефес. III, 14. 15). Это такъ свято и вѣрно, что намъ не слѣдуетъ, по слову Христову, (Матѳ. XXIII, 9), *и отца звать себѣ на землю* помимо Отца Небеснаго, отсвѣчивающаго благодатію Своего всевышняго Отчества во всякомъ родѣ нашего отчества ради вочеловѣченія Сына Своего. Потому нельзя было бы и довольно нарадоваться тому, какъ обширно и многоплодно было бы, во всѣхъ у насъ отношеніяхъ, дѣйствіе благодати Духа, если бы мы приводили въ движеніе и дѣйствіе эту благодать Духа, какъ именно исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ почивающаго. Всѣ отцы, всѣ высшіе въ томъ или другомъ отношеніи, возгрѣвая въ себѣ благодать Духа именно въ этой силѣ, должны были бы понимать и чувствовать, что они на столько давали бы раскрываться въ себѣ благодати Всевышняго и всеблагодатнаго Отчества Самого Отца Небеснаго, на сколько возвышалось бы надъ эгоистичною деспотическою требовательностію и преобладаніемъ относительно дѣтей или низшихъ, какъ чадъ собственно *Божіихъ*, и стремились бы своею любовію только въ нихъ (а не въ самовластіи) искать покоя духу своему, внимая и слѣдуя Духу любви Отца Небеснаго, Который, исходя отъ Отца, почиваетъ въ Сынѣ *весь*, со всею полнотою Отчаго благоволенія. Равно и дѣти,

или вообще низшіе въ разныхъ отношеніяхъ, должны были бы сознавать и чувствовать, что для нихъ въ отцахъ или вообще высшихъ Отецъ Небесный ради Сына Своего, ставшаго Сыномъ человѣческимъ, благоволилъ отобразить свое всевышнее отчество и что потому дѣтямъ слѣдуетъ всевозможно (только, разумѣется, не чѣмъ либо противнымъ Богу) успокоивать въ себѣ духъ отцевъ, внимая и слѣдуя Духу Сына Божія, не соперничествующаго, такъ сказать, съ Своимъ Отцемъ въ изведеніи Духа, а только успокоивающаго въ себѣ этого Св. Духа, исходящаго отъ единаго Отца. Такую благодать Духа Св., исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ почивающаго, должны бы возгрѣвать и поддерживать другъ въ другѣ и равные между собою какъ изъ высшихъ или отцевъ, такъ и изъ дѣтей или низшихъ, и особенно близкіе между собою, каковы друзья и всего болѣе супруги. Вѣдь небо водворялось бы тогда на землѣ: благодать Пресв. Троицы осѣняла бы насъ не только въ церковно-духовныхъ отношеніяхъ, но и въ самыхъ обыкновенныхъ нашихъ отношеніяхъ, которыя тогда уже становились бы, по своей внутренней силѣ, истинно духовными и достолюбными для Св. Церкви, какъ отношенія достойныхъ ея дѣтей. Такъ нѣтъ! Христіане, именно западные сначала извратили самую истину объ исхожденіи Св. Духа только отъ Отца и выдумали, что Духъ исходитъ не только отъ Отца, но и отъ Сына; соотвѣтственно этому и благодать Духа Св. ложнымъ представленіемъ вѣры связывалась въ прямомъ своемъ направленіи, такъ

что западное христіанство отпало отъ истиннаго древлеотеческаго церковнаго духа и изъ авторитетовъ церковныхъ сдѣлало для себя жестокое деспотическое иго, вмѣсто благоволительнаго и живаго отеческаго ихъ значенія. Впослѣдствіи, западное христіанство учило еще далѣе по тому же направленію сыновства, соперничествующаго съ отчествомъ (по ложному основанію и первообразу этого въ самомъ Божествѣ, въ которомъ будто бы не только отъ Отца, но и отъ Сына исходитъ Духъ истины, святыни и всего жизненнаго): эгоистическое своекорыстіе авторитетовъ вызвало протесты и отрицаніе самыхъ авторитетовъ со стороны самочинія и самоволія, логически идущаго и къ совершенной разнузданности. И теперь дѣло доходитъ до радикальныхъ колебаній и разстройства въ отношеніяхъ между властями и подвластными, между отцами и дѣтьми, высшими и низшими. —На сколько и православные не разумѣютъ и не держатся благодати Духа, исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ почивающаго, на столько такая же бѣда приражается и къ православнымъ Грекамъ и Русскимъ. — Вотъ это все и составляетъ такое, вмѣстѣ и духовное и внѣшнее, бѣдствіе нашей современности, для оплаканія котораго дѣйствительно нужны и едва ли достаточны слезы и рыданія даже Іереміины.

Но, другъ мой, еще все можетъ быть исправлено и обновлено въ благодатномъ значеніи, если будемъ живою и дѣятельною вѣрою держаться благодати Духа, исходящаго отъ Отца и въ Сынѣ почивающаго, — если, притомъ, будемъ держаться

именно того направленія Духа Христова, чтобы и недостаточества, въ этомъ отношеніи, другихъ—не только нашихъ православныхъ, но и западныхъ христіанъ—съ Христовою, снизшедшею въ грѣшный міръ, любовію выносить на себѣ самихъ, чтобы всѣхъ привести къ живому единенію вѣры въ Церкви Православной. О, дай, Господи, намъ этого Твоего Духа, этой живой воды благодати Твоей, могущей *отмыть скверну сыновъ и дщерей сіонскихъ*, этого огня любви Твоей, сильнаго *кровь іерусалимску очистить* (Ис. IV, 4), то есть, потребить въ христіанствѣ всякіе примѣсы и приражения лжи, чтобы такимъ образомъ собрать всѣхъ разсѣянныхъ чадъ Новаго Израиля снова воедино.

Прощай пока, мой добрый другъ! —Помни, что, по слову Самого Христа, Духъ Святый *свидѣтельствуетъ* о Христѣ (значитъ поставляетъ на открытый для міра видъ Его истину, Православіе), именно какъ исходящій отъ Отца (Іоан. XV, 26),—разумѣй только это въ живой силѣ, а не просто буквѣ.

—

Письмо восьмое.

Я слишкомъ долго и много, другъ мой, говорю съ тобою о благодати таинства муропомазанія. Это потому, что Духъ благодати, сообщающій намъ

себя чрезъ это таинство, дѣйствуетъ и во всѣхъ другихъ таинствахъ; значитъ, и по отношенію къ другимъ таинствамъ надо хорошенько выяснить себѣ какъ намъ слѣдуетъ пользоваться благодатію дарованнаго намъ Св. Духа. А между тѣмъ, съ другой стороны, мы (я говорю отъ лица большинства), и пріявъ Св. Духа въ особенномъ таинствѣ, освящаемые Имъ же и въ другихъ таинствахъ, по свойству каждаго изъ нихъ, очень похожи на нѣкоторыхъ Ефесскихъ христіанъ, которые, на вопросъ Апост. Павла о принятіи ими Св. Духа, отвѣчали: «Мы даже и не слыхали, есть ли Духъ Святый» (Дѣян. XIX, 2). Мы знаемъ, что есть Духъ Святый, но знаемъ это болѣе или почти только — по книжному, по буквѣ, а не по опытному дознанію и ощущенію дѣйствующаго въ насъ Св. Духа. Не то, что бы Онъ въ насъ не былъ или не дѣйствовалъ. Но таково ужъ наше невниманіе къ Нему, наше духовное невѣжество. Поэтому-то я столько и говорю съ тобою о благодати Св. Духа, запечатлѣвшаго насъ чрезъ мvропомазаніе.

И теперь еще рѣчь моя—о томъ же. Впрочемъ на этотъ разъ — послушаемъ, мой другъ, бесѣды Самого Спасителя. Вотъ Онъ что̀ говоритъ о дѣйствіи Св. Духа по отношенію собственно къ міру, въ злѣ лежащему:

«И Онъ (Утѣшитель Духъ Святый), пришедши, обличитъ міръ о грѣхѣ, и о правдѣ, и о судѣ: о грѣхѣ, что не вѣруютъ въ Меня; о правдѣ, что Я иду къ Отцу Моему, и уже не увидите меня; о

судѣ же, что князь міра сего осужденъ» (Іоан. XIV, 8—11).

Пусть міръ, какъ бы такъ говоритъ здѣсь Господь своимъ ученикамъ, любитъ болѣе тьму своекорыстія и самоуслажденія, словомъ зла, а не свѣтъ правды и добра, и поэтому грѣхолюбію знать не хочетъ и не умѣетъ Меня, не вѣруетъ въ Меня—Спасителя своего. Но вотъ Духъ истины, которымъ изольется любовь Божія въ ваши сердца, выведетъ наружу это мірское грѣхолюбіе, невѣрность и нечестность міра предъ истиною и правдою, предательскую недобросовѣстность всѣхъ, невѣрующихъ въ Меня, когда они слышатъ благовѣстіе о Мнѣ: ибо, если бы только не двусмысленно и не легкомысленно, не измѣнически относились они въ своихъ мысляхъ и жизни къ дѣлу истины и правды, могли бы они узнать Меня. «Онъ обличитъ міръ о грѣхѣ, что не вѣруютъ въ Меня.» Онъ, раскрывая всю силу любви Моей къ міру, вземлющей и выносящей всѣ грѣховныя тяготы міра, рано или поздно доведетъ до того, что, по суду самаго же міра, окажется прямою ложью и открытымъ зломъ—не вѣровать во Христа Спасителя міра, отвергать Меня.

Нужды нѣтъ, что видимо по плоти я уже не буду въ мірѣ, какъ бы такъ продолжаетъ Спаситель, что я уже буду на небесахъ у Отца Моего. Духъ святый вѣрующихъ въ меня будетъ вводить въ благодатно-духовное сообщеніе со Мною; будетъ раскрывать въ нихъ духъ всѣхъ моихъ состояній, начиная отъ зачатія во чревѣ Моей Матери до сѣ-

денія и по человѣчеству одесную Отца въ открытой Его любви и славѣ, духъ моего истощанія до младенчества сначала во чревѣ, а потомъ на рукахъ Матери—Дѣвы, духъ Моего постепеннаго возрастанія и воспитанія на попеченіи человѣка рабочаго—плотника, моей жизни въ продолженіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ въ домѣ этого земнаго и тѣлеснаго труженичества—древодѣланія или плотничества, и такъ далѣе, до крестной моей смерти, воскресенія и вознесенія на небо, и все это ради людей, ради помилованія и спасенія міра, во всѣхъ его средахъ;—будетъ Моихъ сообщниковъ настроивать и двигать, одушевлять именно духомъ, выражаемой и дѣйствующей во всѣхъ моихъ дѣлахъ и состояніяхъ, такой любви къ грѣшному и погибающему міру, что будто Я виноватъ его грѣхами и повиненъ его злополучной судьбѣ, что и въ самой славѣ буду вѣчно умилостивлять Его же Моего Отца собственнымъ Моимъ лицемъ, всѣми дѣлами и слѣдами Моего земнаго истощанія по человѣчеству и Моимъ вѣчнымъ единосущіемъ со Отцемъ по Божеству. И такимъ образомъ Духъ утѣшитель поставитъ же на видъ міру, что только во Мнѣ, незримомъ уже по плоти, но вѣрою тѣмъ не менѣе пріемлемомъ, идущемъ ко Отцу, но приводящемъ въ себѣ къ Нему именно человѣковъ, только бы они принимали такую благодать,—во мнѣ единомъ состоитъ вся жизненная для людей и міра правда: «Онъ обличитъ міръ о правдѣ, что Я иду къ Отцу Моему и уже не увидите Меня.»

Какъ ни мятежничаетъ и не волнуется міръ въ

своей погибельной боговраждебности, возбуждаемый и движимый человѣко-убійственнымъ своимъ княземъ — діаволомъ, — таковъ смыслъ дальнѣйшихъ словъ Христовыхъ, но Духъ Св., раскрывая въ пріемлющихъ силу всего Моего спасительнаго для міра, тѣла что я пришелъ въ міръ не судить, но спасти этотъ погибающій міръ, что я, взявши на себя тяготѣющій на мірѣ грѣхъ, и проклятіе, и смерть, осуждаю чрезъ это на упраздненіе только одну діавольскую человѣкоубійственную державу зла лжи, вообще грѣха и смерти. Да; Духъ истины обличитъ міръ и о судѣ, о такомъ именно судѣ, что собственно «князь міра сего осужденъ».

Этимъ и закончу, мой другъ, мои бесѣды съ тобою о благодати таинственнаго помазанія отъ Св. Духа, совершеннаго надъ нами.

—

Письмо девятое.

Слѣдуетъ намъ, другъ мой, говорить о благодати причащенія Св. тѣла и крови Господа Іисуса. Возблагодаримъ Его, что Онъ удостоиваетъ насъ говорить объ этомъ великомъ таинствѣ, которое и само называется *благодареніемъ*, Евхаристіе (*).

(*) Евхаристія, съ греческ., значитъ благодареніе.

Начиная тъ тобою рѣчь о таинствѣ мvропомазанія, мы остановились прежде всего на вопросѣ: за чѣмъ, при полученной въ крещеніи благодати возрожденія, нужно еще особое таинство для принятія благодати Св. Духа? Но теперь, послѣ нашихъ рѣчей о благодати таинствъ крещенія и мvропомазанія, какъ-то само собою уже чувствуется нужда въ благодати причащенія тѣла и крови Господа нашего. Въ самомъ дѣлѣ, для поддержанія нашею вѣрою, въ живомъ дѣйствіи, той благодати крещенія, по которой мы, погрузясь въ смерть Христову, облеклись во Христа нельзя не видѣть или неощущать потребности въ томъ, чтобы смерть Господня воспоминалась у насъ въ самой живой силѣ и что бы это зависѣло не отъ одной нашей вѣры, могущей немоществовать, и оскудѣвать, но и отъ особеннаго дѣйствія самой благодати, «не мощное всегда врачующей, оскудѣвающее восполняющей (*)». Таинство Евхаристіи и есть таково, что здѣсь совершается благодатное воспоминаніе о Господѣ и Его смерти, воспоминаніе самымъ истиннымъ Его тѣломъ, отданнымъ на смерть за жизнь міра, и самою Его кровію, пролитою то же до смерти «за жизнь міра,» (**). *Сіе творите* въ

(*) Эти слова, возглашаемыя Архіереемъ въ слухъ всей церкви при рукоположеніи на ту или другую степень священства.

(**) О крови Господа, какъ *изліянной за животъ міра*, сказано прямо въ чинѣ литургіи Василія Великаго, именно въ самыхъ словахъ таинственнаго пресуществленія. О тѣлѣ же Христовомъ сказано Самимъ Христомъ: хлѣбъ его же Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ *за животъ міра* (Іоан. VI, 51).

мое воспоминаніе, сказалъ Самъ Господь, установляя таинство причащенія Своего тѣла и крови (Лук. XXII, 19). «Всякій разъ, когда вы ѣдите хлѣбъ сей (хлѣбъ тѣло Христова), говоритъ Апостоловъ Павель, и пьете чашу сію, возвѣщаете смерть Господню, доколѣ Опъ пріидетъ». (Кор. XII, 26).

Равнымъ образомъ и для того что бы постоянно и жизненно пользоваться сообщенною намъ въ муропомазаніи благодатію Св. Духа, которымъ изливается въ сердца наши любовь Божія, проявленная во всемъ Христовомъ дѣлѣ или домостроительствѣ нашего спасенія и Который, потому, вводитъ пріемлющихъ такую благодать въ Христовы мудрствованія или мысли, расположенія, дѣйствія и состоянія,—для этого истинно требуется питаться какъ пищею и питіемъ, самимъ Христомъ, и это опять не по одной вѣрѣ, не свободной отъ немощей и недостатковъ, а по особому дѣйствію самой всемощной и всеобильной благодати, т. е. чрезъ таинство. Вѣдь всякая жизнь необходимо требуетъ для своей поддержки и развитія соотвѣтственной себѣ пищи; Христова жизнь, совершающаяся въ вѣрующихъ, можетъ поддержаться не иначе, какъ Божественнымъ хлѣбомъ тѣла Христова и небеснымъ питіемъ Христовой крови. «Если не будете ѣсть плоти Сына Человѣческаго и пить крови Его говоритъ Самъ Господь, то не будете имѣть въ себѣ жизни... Ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе... Какъ послалъ Меня жи-

вый Отецъ и я живу Отцемъ, такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною» (Іоан. VI, 55—57)

—

Письмо десятое.

Другъ мой! Мнѣ особенно хочется углубить твое вниманіе къ тому, что̀ было говорено мною въ предъидущихъ письмахъ, особенно о таинствахъ крещенія и мvропомазанія. Поэтому о благодати остальныхъ таинствъ скажу кратко; ты увидишь, сколько сила и другихъ таинствъ внушаетъ нашей вѣрѣ такое же главное духовное настроеніе, какое разъяснялъ я, говоря о силѣ первыхъ двухъ таинствъ.

Я въ прошломъ письмѣ говорилъ тебѣ, что въ таинствѣ Причащенія воспоминается особенно смерть Христова, въ глубину или силу которой мы погружались въ крещеніи, и притомъ вкушается нами самое тѣло и кровь Господа нашего для поддержанія нашей жизни въ дѣйствуемомъ отъ Св. Духа общеніи и единеніи нашемъ съ Господомъ, сходившимъ къ намъ на землю и опять по Самому человѣчеству Своему «восшедшимъ туда, гдѣ былъ прежде» (Іоан. VI, 62),—въ открытую любовь и славу своего Отца. Итакъ чтобы намъ не вотще принимать благодать причащенія, намъ долж-

но возбуждать и возгрѣвать въ себѣ именно духъ любви Господа къ грѣшнымъ, по которой онъ принялъ за нихъ смерть и, по воскресеніи и вознесеніи Своемъ, возводитъ ихъ (разумѣется, подъ условіемъ живой ихъ вѣры) самъ въ себѣ въ благодатное соучастіе своего сѣденія одесную Отца Своего (Ефес. II, 6). Видишь, какъ животворный духъ таинствъ Евхаристіи внутренно связанъ или, точнѣе, единиченъ съ таинствами крещенія и помазанія отъ Св. Духа.

Въ таинствѣ покаянія, чрезъ показанное исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ, вѣрующимъ получается чрезъ послѣдняго благодать разрѣшенія отъ грѣховъ. Чтобы не вотще принимать благодать этаго таинства, надо, во первыхъ, надлежащимъ образомъ каяться и исповѣдываться во грѣхахъ и, во вторыхъ, надлежащимъ образомъ разумѣть и воспринимать благодать таинственнаго разрѣшенія отъ грѣховъ. Правда наша—Христосъ; а потому и сила каждаго грѣха есть именно отчужденіе въ томъ или другомъ отношеніи отъ Самого Христа, обнаженіе съ той или другой стороны отъ пріятаго въ крещеніи облеченія во Христа, остановка или прекращеніе той или другой стороны жизни въ насъ Христовой, задержка дѣйствія въ насъ той или другой силы Духа Христова. Въ этомъ разумѣ и надо каяться во грѣхахъ предъ Богомъ, исповѣдуя предъ священникомъ грѣхи, именно какъ разнообразные виды отчужденія отъ Господа и отъ истиннаго Его Духа, Который есть вся любовь всесвятая. Соотвѣтственно значенію грѣховъ, и благодать таинственнаго разрѣшенія отъ нихъ надо разумѣть и при-

нимать, какъ возвращеніе себѣ Самого Господа въ томъ или другомъ отношеніи, какъ возобновленіе одѣянія во Христа на обнажившихся сторонахъ нашего существа на умѣ, сердцѣ и, какъ открытіе того или другаго, было задержаннаго и остановленнаго движенія Христовой жизни, какъ возбужденіе къ «живому» въ насъ дѣйствію того или другаго свойства и силы человѣколюбиваго Духа Христова, Духа премудрости и знанія, Духа совѣта и крѣпости, и такъ далѣе. Такъ, не вотще пріятая благодать таинства покаянія можетъ за разъ обновить насъ въ томъ истинномъ духѣ и живой силѣ нашего православнаго Христіанства, которыя разъясняемы были въ прежнихъ письмахъ о крещеніи и мvропомазаніи.

Въ таинствѣ священства превышенебесный Архіерей и Іерей вовѣкъ служитель всемірнаго спасенія, Господь нашъ, умилостививъ къ намъ Отца Своего чрезъ принесеніе Себя Самого въ жертву за насъ грѣшныхъ и открывъ для насъ источникъ благъ и даровъ Св. Духа, совершаетъ и освящаетъ избранныя свои орудія (Архіереевъ, Іереевъ, Діаконовъ) для того, чтобы Ему чрезъ нихъ непрерывно до скончанія вѣка раскрывать въ мірѣ благодать своего вѣчнаго священства, Самъ собою приводя всѣхъ вѣрою къ Своему Отцу, животворя ихъ Своимъ Духомъ и такимъ образомъ дѣлая изъ нихъ живыхъ членовъ своею силою — Церкви (см. Еф. IV, 10, 12), чтобы не вотще принять такую великую благодать, сообщники священства или духовные, пусть живо сознаютъ, что Господь, даро-

вавшій имъ благодать священства Самъ и дѣйствуетъ чрезъ нихъ этою своею благодатію, дѣйствуетъ именно въ духѣ своего человѣколюбиваго самопожертвованія за міръ; пусть живо помнятъ они назначеніе своего священства служить орудіями къ тому, чтобы Самому Господу благодатно одушевлять и двигать и весь составъ Церкви, какъ собственное свое тѣло, не переставая пріобщать къ Себѣ новыхъ членовъ изъ всего человѣчества; пусть потому не посягаютъ по папски на духовную самостоятельность прочихъ Христіанъ, подвизаясь только надъ тѣмъ, чтобы имъ всѣмъ, въ каждой ихъ средѣ, быть съ Господомъ и служить или работать по своему Ему же Самому, какъ собственнымъ Его благодатнымъ членомъ. Равно и мірскіе Христіане пусть относятся духомъ своимъ, въ лицѣ своихъ духовныхъ священнослужителей, къ Самому Небесному Архіерею и Іерею—Господу и свободно Ему же Самому работаютъ мыслію, словомъ или простыми тѣлесными трудами, блюдя въ себѣ неприкосновенную духовную самостоятельность дѣтей Самого Отца Небеснаго, стоившую такъ дорого, именно крови единороднаго Его Сына. Такъ и духовные и міряне, въ православномъ Христіанствѣ, соединяются въ одинъ благодатно-живой организмъ, возглавляясь въ одной главѣ—Самомъ Господѣ, который Самъ оживляетъ и движетъ всѣ члены этаго своего благодатнаго тѣла. Только—духъ небеснаго нашего первосвященника и Христа, пролившаго на землѣ свою кровь за живой міръ, именно этою кровію открывшаго путь для человѣчества на небеси

къ Отцу Своему,—этотъ самый духъ самоотверженной любви къ гибнущему міру да одушевляетъ причастниковъ благодати священства!

Въ таинствѣ брака чета вступающихъ въ брачный союзъ получаетъ благодать отображенія въ этомъ своемъ союзѣ, относящемся очевидно къ области природы, Божественнаго союза между Господомъ, пожертвовавшимъ собою для церкви своей, и церковію, составляющаго Его тѣло и живущее только своею преданностію Господу и Его благодатію. Само собою разумѣется, что такая благодать дается на основаніи только самопожертвованія Агнца Божія, вземлющаго грѣховныя немощи человѣка и его природы.—Чтобы не вотще пріять и имѣть эту благодать, брачной четѣ и слѣдуетъ блюсти и притомъ болѣе и болѣе раскрывать въ своемъ брачномъ союзѣ отсвѣтъ Христова союза съ церковію,—мужу слѣдуетъ входить въ духъ и настроеніе самопожертвованія Христова для церкви; женѣ въ духъ и настроеніе благоговѣйной любви церкви ко Христу, тому и другой нести тяготы другъ друга или взаимные недостатки и немощи съ живою вѣрою въ Агнца Божія—Христа, вынесшаго всяческія тяготы всѣхъ насъ. Тогда супруги сами будутъ ощущать всю силу неразрывности своего союза, какъ соединенные Самимъ Богомъ; самый домашній ихъ бытъ и хозяйство будетъ отсвѣчивать высшимъ, благодатнымъ свѣтомъ «домашней церкви»; а если Богъ дастъ этимъ супругамъ дѣтей, такіе супруги никакъ не опустятъ изъ вида въ своихъ дѣтяхъ благодатнаго значенія дѣтей во Христѣ Самого Бо-

га. Вѣдь такая супружеская жизнь будетъ напоминать собою Едемъ, изъ всей бѣдственности настоящей нашей жизни. И сторонніе вѣрующіе могутъ своею вѣрою помогать супругамъ пользоваться такою благодатію таинства брака; слѣдуетъ только смотрѣть на супруговъ, не теряя изъ виду отображенія въ нихъ Христа и церкви, соединенныхъ своимъ Божественнымъ союзомъ. Слова два, мой другъ, предавши здѣсь относительно занимающей нѣкоторыхъ у насъ мысли о такъ называемомъ *гражданскомъ бракѣ*. Въ римскомъ католичествѣ эта мысль еще имѣетъ нѣкоторое значеніе. Тамъ Христіане порабощены главенству Папы. Чтожъ мудренаго въ томъ, если они, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Наполеонъ I, хотѣлъ бы освободить бракъ отъ рабскаго ига церковнаго, тяготѣющаго въ римскомъ католичествѣ на всѣхъ и на всемъ? Въ области православія дѣло другое; здѣсь подъ главенствомъ одного и Самаго Христа, нѣтъ мѣста порабощенію однихъ членовъ благодатнаго Христова тѣла предъ другими. Здѣсь въ таинствѣ брака сама благодать Христова дивно нисходитъ къ людямъ, въ самую область природы. Чуждаться таинственнаго освященія брака и довольствоваться однимъ гражданскимъ бракомъ здѣсь значило бы неблагодарно и невѣрно отвергать благодать, оставляя себѣ свою природу и наиболѣе жизненное въ ней, каковъ брачный союзъ, на жертву грѣховному растлѣнію.

Въ таинствѣ Елеосвященія открывается новое снисхожденіе Христовой благодати въ область при-

роды, и именно къ самой ея болѣзненности, открывающейся въ низшей сторонѣ человѣческаго существа—въ тѣлѣ; чтобы не вотще была принимаема *благодать этого таинства, надо вѣрою углубляться* въ самое основаніе такой благодати, въ то, что Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, и происходящіе въ корнѣ своемъ отъ грѣховности *недуги наши* тѣлесные *пріятъ и болѣзни понесе* (Матѳ. VIII, 16. 17. соч. Ис. 55, 4). И тогда, по силѣ таинства, *молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему* (Іак. V, 15); по крайней мѣрѣ, болѣзненность тѣлесная не будетъ подавлять жизни духа, такъ что послѣдній можетъ свободнѣе и легче разрѣшиться отъ тѣла, усвояя себѣ и тѣлу силу Христовыхъ страдальческихъ болѣзней и смерти. Такъ не на одно жизненное въ природѣ, каковъ бракъ, но и на болѣзни физическія простирается благодать таинствъ.

Пока и довольно съ тебя, мой другъ! Когда достаточно усвоишь своему сердцу и разумѣнію сказанное о святыхъ таинствахъ нашей православной церкви, то вполнѣ можеть увидѣть, что «духъ и жизнь» (Іоан. VI, 63) всѣхъ *вообще* таинствъ есть именно животворящій и человѣколюбивый духъ Христа—Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра съ тѣмъ, чтобы все человѣческое, все мірское, очистивъ отъ грѣха и освятивъ благодатію и истиною, сдѣлать областію любви и благоволенія Отца небеснаго. Господь съ тобою!

КОНЕЦЪ.